

512
891.71-3
4398

ИТ'ЕТ''
а
Север''

19/2x

151285

П. Цейтлинъ.

С 83.71-2

4328

Поморскія

Народныя

Сказки.

1995

2002

Сказка—это одна изъ формъ народнаго творчества, передъ которой преклоняются и преклонялись самые гениальныя художники и поэты, дѣятельно собиравшіе еѣ и въ обработанномъ видѣ вносившіе богатые дары въ сокровищницу нашей отечественной литературы. И не только въ нашей необъятной родинѣ гениальныя художники и поэты занимались собираніемъ и обработкой народныхъ сказокъ, но и во всемъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какой цѣнный вкладъ внесли своими разнообразными, чисто поэтическими сказками братья Гриммъ, не только въ сокровищницу своей родной, нѣмецкой, но и всемірной литературы. Гдѣ, въ какихъ захолустныхъ уголкахъ эти сказки не прочитываются съ трепетомъ, не служатъ пищей для дѣтской фантазіи? Всюду. Даже далеко на Сѣверѣ, въ поморской избушкѣ, подъ аккомпаниментъ дикаго сѣвернаго вѣтра, бѣлокурая дѣвочка съ лихорадочно блестящими глазками и дрожащимъ голосомъ читаетъ эти страшныя, но пріятныя для сердца сказки далекой и чужой страны.

Въ народной сказкѣ сказывается все богатство фантазіи народа, его мечты, его взгляды на добро и зло и—главное—его простое, чуткое ко всему сердце, способное инстинктивно разгадать, гдѣ кроется добро и гдѣ зло. Народная сказка можетъ служить намъ матеріаломъ для изученія быта своего народа, ибо она есть продуктъ коллективнаго творчества его и, какъ таковой, безусловно отражаетъ на себѣ душевный складъ своего творителя, его чаянія и надежды, мечты о лучшей жизни.

1912г

Каскаль Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Дебрилобова

51283
87918

1848

1966 г

о побѣдѣ добра надъ зломъ и о соотвѣтствующей карѣ для послѣдняго. Такъ, на примѣръ, сказки о Садко, Господинѣ Великомъ-Новгородѣ, Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ даютъ намъ полное представленіе о духовной жизни нашихъ предковъ съдой старины. При ознакомленіи съ ними, передъ нами встаетъ богатая всевозможными оттѣнками и колоритностью жизнь, которая возбуждаетъ въ насъ самыя прекрасныя чувства и очищаетъ насъ отъ современной житейской прозы.

И не даромъ же такая вулканическая душа, какъ А. С. Пушкинъ, среди шума и суеты городской жизни мечталъ о далекой деревушкѣ, заброшенной среди сугробовъ снѣга, гдѣ онъ, въ жарко вытопленной и свѣтлой комнатѣ, подъ свистъ и вой бури, слушалъ безконечныя сказки своей старой и доброй няни.

Какимъ наслажденіемъ, какой лаской и тепломъ вѣетъ отъ словъ великаго гѣнія, гдѣ онъ вспоминаетъ объ этой старушкѣ. И не благодаря ли этой старушкѣ русская литература обогатилась такими прекрасными перлами какъ, на прим., „Сказка о спящей царевнѣ и о семи богатыряхъ“, „Золотая рыбка“ и т. п.?

За послѣднее время наука проявляетъ усиленное вниманіе къ дѣлу собиранія и изученія народныхъ сказокъ. Проявляется также особый интересъ къ личностямъ, изъ устъ которыхъ записываются сказки, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ замѣчено, эти личности одарены богатой фантазіей и ораторскимъ талантомъ, если можно такъ выразиться. И дѣйствительно, насколько пишущему эти строки приходилось наблюдать, эти сказочники и сказочницы выдѣляются на общемъ сѣромъ фонѣ деревни.

Кругъ предлагаемыхъ мною сказокъ довольно ограниченъ, благодаря тому, что онѣ собирались исключительно лишь въ Кемскомъ у., Архангельской губ., среди поморскаго населенія. Но, съ другой стороны, думается, онѣ весьма интересны, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, въ дѣлѣ изученія народнаго творчества Поморья, и особенно сказокъ, нашими высшими и низшими учеными учрежденіями сдѣлано очень мало. Лѣтомъ 1910 г. мнѣ пришлось натолкнуться на богатый и обширный трудъ „Сказки Крайняго Сѣвера“, изданія котораго, къ сожалѣнію, не припомню. Въ этой книгѣ собрана масса сказокъ изъ Олонецкой и разныхъ уѣздовъ Архангельской губ. Поморскихъ же сказокъ тамъ, кажется, около 5 и то самыхъ безцвѣтныхъ и относящихся къ самому послѣднему періоду, что видно изъ ихъ порнографическаго характера.

Послѣднее мое утвержденіе зиждется на томъ обстоятельстве, что въ старой патриархальной жизни Поморья, гдѣ все было чинно и соотвѣтствовало требованіямъ домостроевской морали, порнографія въ области народнаго творчества врядъ ли могла имѣть мѣсто.

Наступила суровая сѣверная зима съ ея жестокими морозами и сѣвернымъ вѣтромъ и длинными-длинными ночами. Покажется солнце на сѣромъ, плакучемъ небѣ и тотчасъ же спрячется обратно. А то бываетъ, что и солнца нѣтъ. И тогда трудно разгадать, что такое происходитъ вокругъ тебя: что-то не день и не ночь, а нѣчто, похожее на сумерки. Тянется сѣверная зима долго, безконечно долго, такъ что теряешь всякую надежду когда-либо опять увидѣть Божье лѣто.

И вотъ, въ длинные вечера этой сѣверной зимы, въ жарко вытопленной поморской избушкѣ дѣтвора собирается вокругъ старой бабушки, которая, кряхтя и вытирая слезы съ глазъ своимъ грязнымъ рука-

вомъ рубахи, долго рассказываетъ имъ свои безконечныя сказки. Лихорадочно блестятъ глазки слушателей, и временами изъ молодыхъ грудей вырываются тяжелые вздохи, переплетающіеся наивнымъ всхлипываніемъ какой-либо бѣлокурой дѣвчонки.

Однообразно и монотонно, точно маятникъ старинныхъ часовъ, звучитъ глухой и старческой голосъ. И льются сказки одна за другой. Часъ проходитъ за часомъ. Смотришь, и спать пора уже лечь. А худой старческой голосъ манитъ къ себѣ, обладаетъ тепломъ и лаской. И въ этомъ тѣсномъ кружкѣ забываешь и про постылую зиму, съ ея снѣжными вьюгами и про кругомъ царящую нужду, тяжелую борьбу за кусокъ хлѣба. Встаютъ прекрасныя образы Ивановъ-Царевичей и Марій-Царевнъ, страшныя дѣянія Яицныхъ-Бабицнъ (Баба-Яга)—воплощенные символы зла—и Бабушекъ-Задворенекъ—символовъ добра, лѣшихъ и водяныхъ...

И на видъ примитивная жизнь помора кажется уже сложной, трудно поддающейся разрѣшенію загадкой.

Теперь мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о сказочницахъ, изъ устъ которыхъ предлагаемыя ниже сказки были записаны.

Сказки эти въ большой своей части записаны мною въ с. Колѣжмѣ, с. Лапинѣ и Сумскомъ посадѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ. И только нѣкоторыя изъ нихъ записаны изъ устъ случайно проходившихъ „рибушниковъ“ (нищихъ—оборванцевъ) и гостей изъ другихъ селеній Поморья.

Сказки: „Шутъ Гаврила“, „Мать и дочь“, „Конь, Свинья, Кошка, Собака да Пѣтухъ“, „Шуба-самолетъ“, „Попъ и работникъ“, и „Царь и мужикъ“ записаны изъ устъ мѣщанки Сумскаго посада Устиньи Ермолаевны Базаровой, у которой я прожилъ въ квартирѣ цѣлый годъ. Это была веселая и бойкая шестидесяти-пятилѣтняя старушка—вдова, мужъ которой умеръ отъ запоя. Помню, когда ко мнѣ собиралась молодежь и начиналась веселая и шумная игра на балалайкахъ и гитарахъ—эта старушка словно оживала. Разъ даже я засталъ ее танцующей за печкой подъ музыку балалаекъ.

— Стара стала—стыдно передъ молодыми плясать-то,—сказала она сконфуженная.

Устинья Ермолаевна много трудилась. Но трудъ для нея былъ не тяжелъ. Она постоянно цѣла свои „пригудки“, рассказывала полныя юмора сказки, загадывала загадки, а пословиць у нея было такое множество, что она, бывало, сыплетъ ими къ каждому слову. И это—несмотря на то, что вся жизнь ея была одно сплошное мученіе. Молодой и красивой дѣвушкой ее выдали замужъ за человѣка, который, по ея словамъ, долженъ былъ быть ея „отцемъ“. Мужа-пьяницу она не любила, но это, однако, не мѣшало ей имѣть отъ него около 8 дѣтей, изъ которыхъ 4 остались живы. На старости лѣтъ мужъ „занемогъ“ и около 5 лѣтъ лежалъ на печкѣ, „безъ ума, безъ разума“.

Старшій сынъ, оставшійся наследникомъ послѣ отца, былъ также алкоголикъ и довольно часто награждалъ ее побоями.

Въ 1909 году, когда въ Поморьѣ свирѣпствовала страшная холерная эпидемія, ею заболѣла Устинья Ермолаевна съ младшимъ 14-ти лѣтнимъ сыномъ. Послѣ долгихъ и тяжкихъ мученій они оба скончались.

Сказки объ „Иванѣ Царевичѣ“ и „Иванушкѣ Дуракѣ“ рассказала мнѣ молодая дѣвушка Лапинской вол. Александра Семеновна Филатова. Александра Филатова, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, выше средняго роста, съ крѣпкимъ здоровымъ тѣлосложеніемъ и загорѣлымъ отъ работы лицомъ, по которому скользитъ пріятная улыбка. Изъ-подъ немного нахмуренныхъ бровей смотрятъ веселые темно-коричневые глаза, выражающіе рѣшительность и увѣренность въ себѣ, постоянность характера. Голосъ грубый, но пріятный.

На 16 году жизни Александра Филатова лишилась отца и съ тѣхъ поръ неоднократно служила въ разныхъ селеніяхъ Поморья „казацкой“ (работницей). Среди дѣвушекъ с. Лапина она занимаетъ видное мѣсто, благодаря своему сильному голосу, знанію безконечнаго числа старинныхъ и современныхъ пѣсень и борьбѣ съ бабскими сплетнями. Кромѣ того, она является народной поэтессой или, какъ здѣсь это называютъ, „социнительницей“. Несмотря на ея полную безграмотность, ею сложена масса современныхъ частушекъ, которыя распѣваются въ Лапинской вол. и близъ лежащихъ селеніяхъ. Ея частушки были даже удостоены вниманія печати (См. „Ярославскія Зарницы“ № 30, ст. Народное творчество, стр. 3 и 4).

Сказки „о Бѣдикѣ-Мальчикѣ“ и „Какъ солдатъ на царской дочери женился“ рассказаны мнѣ уже не разъ упомянутой мною на страницахъ сѣверныхъ газетъ крестьянкой Лапинской вол. Матреной Ѳедоровной Бахиревой.

Эта самая Матрена Бахирева, какъ я упоминалъ въ своемъ очеркѣ „Свадьба въ Поморьѣ“ (см. № 20 „Извѣстій А. О. П. Р. С.“), сообщила мнѣ и причтанія. Матренѣ Бахиревой уже теперь лѣтъ за 50, и она, по ея собственному выраженію, „стоитъ уже одной ногой въ могилѣ“, но это, однако, не мѣшаетъ ей вести хозяйство, лѣтомъ самой пахать, бороновать, сѣять и жать. Дѣло въ томъ, что она еще числится дѣвицей, несмотря на то, что старшему сыну ея уже около 20 лѣтъ. Въ молодости она полюбила одного парня, съ которымъ прижила двухъ сыновей и стала бороться за существованіе, „выростать“ своихъ будущихъ кормильцевъ. Тяжело ей давалась борьба эта. Но человекъ съ сильной волей и твердо идущій къ намѣченной цѣли всегда преодолѣетъ препятствія, встрѣчающіяся на его пути. Чтобы представить себѣ, какъ трудна такая задача, достаточно указать хотя бы на то обстоятельство, что уже за послѣдніе годы цѣна на женскій трудъ во время полевыхъ работъ равняется 40 к. въ сутки. Работаетъ, работаетъ бѣдная женщина въ зимнее время, выбивается изъ силъ надъ работой, — и въ результатѣ 10—15 к. за цѣлый рабочій день. Такъ вотъ изволь кормить себя и дѣтей на эти деньги.

Эти тяжелыя преграды на своемъ жизненномъ пути Матрена Ѳедоровна прошла. Но онѣ оказали свое воздѣйствіе на физическое состояніе организма. Въ 50 лѣтъ она уже представляетъ изъ себя полную старуху, согбенную, съ безконечнымъ числомъ морщинъ на лицѣ, постоянными недомоганіями и т. п. Но ясность души, юморъ, здравая логика такъ прекрасно сплетаются въ этой женщинѣ, что иной разъ становится жалко, что вотъ пропадаетъ такая осмысленная, полная прекрасныхъ качествъ души жизнь въ далекой деревушкѣ, среди неплоднхъ болотистыхъ тундръ и непроходимыхъ лѣсовъ. Я прожилъ въ с. Лапинѣ около 6 мѣс., и квартира моя находилась бокъ-о-бокъ съ лачугой Матрены Бахиревой, къ которой я захаживалъ въ зимнее время

„вещериновать“ и на „бесѣду“, ежедневно. И каждый разъ я уходилъ отъ нея спокойный, уравновѣшенный и по приходѣ домой всегда думалъ о ней и страшно завидовалъ ясности и спокойствію ея души. И теперь, когда мнѣ вспоминается мое трогательное прощаніе съ Матронею Федоровной, которая „привыкла ко мнѣ, какъ къ сыну“, и при моемъ отъѣздѣ обнимала меня, плакала и причитала на моей груди,—что-то теплое пробуждается въ моей душѣ и твердить моему мозгу, что человеческое сердце не можетъ зачерствѣть ни отъ суроваго климата, ни отъ безплодныхъ тундръ, а только отъ сытости и роскоши.

Упомяну еще одну сказочницу, рассказавшую мнѣ сказки: „Счастье“, „Катенька“ и „О двухъ братанахъ“.

Эти сказки списаны мною въ 1908 г. въ с. Колежмѣ, со словъ крестьянки Колежемской вол. Анны Васильевны Пайкачевой, умершей въ 1909 г. отъ горловой чахотки. У Анны Васильевны Пайкачевой я прожилъ въ квартирѣ около 9 мѣс. Это была молодая вдовушка съ тѣлосложеніемъ атлета, занимавшаяся столярнымъ ремесломъ. Съ мужемъ-столяромъ она прожила около 7 лѣтъ и нажила богатый домъ, хозяйство и немного денегъ. По смерти мужа она продолжала заниматься его ремесломъ. Дѣтей у нея не было. Анна Васильевна страшно любила веселье, любила танцевать, шутки и анекдоты. Но въ глубинѣ своей души она совсѣмъ не была расположена къ веселью. Дѣло въ томъ, что ея пылливый умъ мучился надъ вопросомъ о Богѣ. Она искала Бога, „настоящаго Бога“. Православная, она довольно часто посѣщала извѣстный Пертозерскій скитъ, находящійся въ 12 вер. отъ с. Колежмы, возила туда и деньги и продукты. Ѣздила она туда къ какой-нибудь вечернѣ, но и здѣсь душа ея не находила спокойствія. Помню, не разъ между нами завязывались горячіе споры о Богѣ, и всякій разъ Анна Васильевна просила не говорить о томъ, что нѣтъ Бога. Это ее пугало. Она теряла почву подъ ногами, ибо возражать не могла. Когда ей начали давать книжки о явленіяхъ и чудесахъ природы, она первое время проявила къ нимъ особый интересъ, но потомъ сразу остыла, что объясняется опять-таки ея боязнью потерять своего „старога Бога“, не нашедши новаго. Такое состояніе мнѣ кажется вполне понятнымъ. Оно наблюдается въ духовной жизни не только крестьянъ, но и интеллигентовъ.

Осенью 1908 г. Анна Васильевна вышла замужъ за жившаго у нея въ квартирѣ политическаго ссыльнаго и приняла, слѣдовательно, на себя новый крестъ.

Ссылный этотъ, раньше жившій въ ея квартирѣ, впоследствии былъ переведенъ въ Сумскій посадъ. Аннѣ Васильевнѣ, слѣдовательно, пришлось бросить „свое теплое, вѣтѣе гнѣзлышко“ и хозяйство и переехать въ Сумскій посадъ и жить въ небольшой комнатукѣ. Это обстоятельство безусловно не могло не отразиться на состояніи ея здоровья. Да и въ самомъ дѣлѣ, всего за 22 версты у нея имѣется свой домъ и свое хозяйство, а она вынуждена валяться здѣсь въ чужомъ домѣ.

Освободившійся отъ надзора въ 1909 г. ея мужъ повезъ ее въ Кострому, гдѣ она совсѣмъ „занемогла“ и пріѣхала въ сопровожденіи его умереть въ своемъ селѣ. Полгода послѣ этого пролежала она въ постели и скончалась. Передъ смертью она выразила пожеланіе, чтобы ее хоронили старообрядцы. На Пертозерскій скитъ она завѣщала около 100 рублей.

Біографій остальныхъ лицъ, сообщившихъ мнѣ сказки, я, къ сожалѣнію, не знаю, такъ какъ эти лица были случайныя. Приношу извиненіе за то, что задержалъ читателя біографіями. Мнѣ думается, что въ страничкахъ жизни этихъ людей читатель найдетъ много интереснаго*)

I

Шутъ Гаврила.

Жилъ-былъ на свѣти шутъ Гаврила—двое со старухой.

Къ имъ ѣздили все постоящики: стояли. Што Шуту Гаврилу придумать? Вотъ онъ разъ и придумалъ. Купилъ цяську-ставяцекъ¹⁾ ды и говоритъ своей старухи:

— Какъ постоящики пріѣдутъ—ты и разругайся на меня: такой-моль-сякой, не стану я самовара грѣть да ужина варить. А толокна мѣшанку²⁾ намѣшаю.

Вотъ пріѣхали постоящики и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя ли поужинать?

Старуха тутъ какъ разругается, што всемъ въ глазахъ темно стало. А шутъ Гаврила возьме да наложитъ старухѣ-то толокна въ рукавъ. Вотъ старуха воды въ цяську налила да стала мѣшать. Мѣшанку намѣшала, а постоящики стоя да дивуются:

— Шутъ Гаврила, што у тебя старуха толокна не ложитъ, а мѣшанку мѣшать?

— У меня,—говоритъ,—такой ставяцекъ. Хоть на дороги пролубу выпѣшашь³⁾, воды нальешь ды и замѣшашь—не нать и толокна.

Постоящики и говоря:

— Нюкто правда?

— Правда,—отвѣцять Шутъ Гаврила.

Оны и говоря:

— Продай ты, Шутъ Гаврила, намъ этотъ ставяцекъ. Для дороги онъ намъ пригодитсе. Мы выпѣшимъ пролубъ по дороги ды помѣшамъ ды и поѣдимсе—сыты будемъ.

Сколько,—говорять,—возьмешь за ставяцекъ?

— Сыпьте полный серебра,—отвѣцять Шутъ Гаврила.

Вотъ оны насыпали ему серебра, взяли ставяцекъ ды и уѣхали. Пріѣхали на рѣку,—имъ и истъ захотѣлось.

Оны и говоря:

— Што, робята, нать вѣдь мѣшанку намѣшать.

Выпѣшали пролубъ, воды въ ставяцекъ налили и давай мѣшать. Мѣшаютъ, мѣшаютъ—у ихъ ницто не рожаецсе—одна вода. Оны и говоря:

*) Еще нѣсколько словъ. При записываніи мною сказокъ я удѣлилъ большое вниманіе особенностямъ мѣстнаго говора и особенно въ послѣднемъ году, когда я занимался спеціально изученіемъ особенностей говора поморскаго населенія. Я знаю, что во многихъ мѣстахъ можно найти ошибки въ смыслѣ неправильности передачи, наприм., нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ, за что и впредь приношу свое извиненіе. Однако, мнѣ кажется, что общія характерныя особенности говора Поморья мною переданы. Думается, что для специалистовъ эти сказки съ особенностями мѣстнаго говора окажутъ не малую услугу какъ фактическій матеріалъ, на основаніи котораго возможно построить нѣкоторыя теоритическіе выводы. Укажемъ, наприм., хотя бы на то, что во всѣхъ именахъ существительныхъ въ предложномъ падежѣ употребляется вмѣсто буквы „ѣ“ буква „и“ или „ы“, наприм., царевнѣ-царевны и т. д., вмѣсто „ч“ употребляется мягкое „ц“, наприм., царевичъ—царевиць, кадушечки-кадусецьки и т. д.

1) Чашка, въ которой готовятъ толокно.

2) Гуца изъ толокна.

3) Прорубъ вырубашь.

— Ну, такой-сякой, надулъ насъ Шуть Гаврила.

На другой разъ Шуть Гаврила што придумалъ?

Разрылъ онъ серебро по двору. Пстойщики обратно поѣхали ды опеть къ нему и даваются:

— Шуть Гаврила, нельзя-ли попоцевать?

А онъ имъ:

— Ой, ребята, пособили собирать. Лошадь серебромъ ходить.

Оны ему и пособили, высбирали серебро все ему и заѣхали.

— Шуть Гаврила, продай ты намъ такую лошадку,—стали оны просить. Онъ и говоритъ:

— Триста рублей дайте—такъ ужъ и быть.

Оны триста рублей отдали за лошадь—Шуть Гаврила имъ и говоритъ:

— Привяжите мѣшокъ къ лошадкѣ, да трое сутокъ не отвязывайте.

Вотъ эти пстойщики поѣхали домой съ радостью, што не нать больше наживать: будутъ деньги отъ лошади.

Приѣхали оны къ женамъ, да говоря:

— Жены, мы купили лошадку. Намъ наживать больше не нать.

Привязали оны мѣшокъ, да трое сутки не отвязывали.

На четвертый день отвязали, и не ощутилось никакого серебра.

Ихъ Шуть Гаврила опеть и надулъ.

Вотъ оны опеть поѣхали ды къ Шуту Гаврилу заѣхали.

А Шуть Гаврила убивалъ быка да нацѣдилъ полный пузырь крови и привязалъ своей старухѣ подъ мышку.

И сговорились оны со старухой, што какъ приѣдутъ опеть пстойщики, штобы старухѣ не варить ужина.

Приѣзжаютъ эти самы пстойщики къ имъ ды говоря:

— Шуть Гаврила, нельзя-ли попоцевать?

Ихъ спустили. Заѣхали оны и говоря:

— Шуть Гаврила, нельзя-ли поужинать?

Старуха разругалась на старика:

— Я,—говорить,—не буду сегодня ужина варить да самовара грѣть. Что хошь—то и дѣлай.

Шуть Гаврила какъ хватить ножъ, ды подъ мышку старухѣ какъ пырнетъ—та и упала, быдто и мертва лежитъ. Вотъ Шуть Гаврила схватилъ плетку-ременку и ну старухѣ рѣзгать ды говоритъ:

— Плетка-живулька, оживи мою жену.

Старуха скоцила, сейцясъ самоваръ согрѣла, ужину сварила и... все готово. Вотъ пстойщики и говоря.

— Однако, Шуть Гаврила, у тебя и плетка хороша. Не продаешь ли, Шуть Гаврила, такую плетку намъ. У насъ таки жены противны, какъ приѣдешь домой—оны все и ругаются на насъ. Хорош-бъ,—говоря,—нашихъ женъ также провудить.

— Дакъ што,—говорить Шуть Гаврила,—рублей двѣсти дайте—я и продамъ.

Оны вынимаютъ ему деньги, отдаваютъ да берутъ себѣ плетку. И поѣхали домой. Приѣхали оны домой—на нихъ жены бранятсе, што деньги вси пропили.

— Домой,—говоря,—ниче не привезли...

Вотъ одинъ схватилъ ножикъ и далъ жены подъ мышку, также, какъ и Шуть Гаврила. Жена и пала.

И другой братъ такъ же, и третій. И схватили оны потомъ плетку въ руки и давай стегать женъ:

— Плетка-живулька, оживи мою жену. Жены не встаютъ. Ну, видя,—жены мертвы. Взяли ихъ ды похоронили и опеть поѣхали.

А Шуть Гаврила знатъ, што ему хорошо не будетъ.

Взялъ онъ да выкопалъ яму на задворки, сѣлъ въ куль и старуха похоронила его: землей зарыла живого въ яму.

Пріѣзжаютъ эты самы постойщики и говоря:

— Шуть Гаврила, нельзя ли поноцевать?

Старуха имъ и говоритъ жалобно:

— Нѣту Шута Гаврилы, умеръ Шуть Гаврила. Я безъ Шута Гаврилы не спущаю никого.

Оны и говоря:

— А гдѣ его могилоцька? Хоть словцемъ намъ его помянуть.

Старуха говоритъ:

— Вотъ тутъ на задворки.

Пришли постойщики на задворки къ могилы и говоря:

— Не станемъ мы его поминать. Разроемъ землю ды вытащимъ его оттуда.

Разрыли землю и вытащили Шута Гаврилу живого въ кулю. Положили эта его въ сани и повезли.

Привезли на рѣку, выпѣшали ⁴⁾ іорданъ, оставили Шута Гаврилу на ледъ и нецѣмъ у ихъ оказалось льду изъ іордана вырыть. Оны и пошли троима въ деревню за лопатой.

Вдругъ ѣде баринъ въ тройки да въ корети. Вотъ Шуть Гаврила услыхалъ и кричить:

— *Насилу на барыни женя, насилу на барыни женя...*

Баринъ остановилъ лошадей и развязалъ Шута Гаврилу.

Спрашивать:

— Це крицишь?

Шуть Гаврила и говоритъ:

— Да вотъ, баринъ, насилу на барыни женя.

— А вотъ,—говоритъ баринъ,—я женюсь.

Посадилъ Шуть Гаврила барина въ куль, куль завезалъ, а самъ сѣлъ въ корету да уѣхалъ. Баринъ и дожидается, когда его на барыни женя.

Вотъ приходятъ мужики, вырыли ледъ съ іордана и бросили этого барина съ кулемъ въ пролубъ, а самы поѣхали и говоря:

— Ну, ладно. Хоть наши жены пропали—да и Шуть Гаврила не живой.

Ѣдутъ,—а Шуть Гаврила имъ настрѣту ѣде въ корети да на тройки. Оны смотря на его и говоря:

— Шуть Гаврила, да ты откуль? Мы тебя въ воду бросили, а ты ѣдешь.

Шуть Гаврила имъ и отвѣцятъ:

— Ой, робята, тамъ вѣдь всякихъ лошадей даютъ, въ воды-то, сивыхъ и бурыхъ да вороныхъ.

Вотъ эты братана воротились къ пролубу и одинъ бросился въ воду, а другой говоритъ:

— Онъ само лучше коня возьме.

Другой скоцилъ, а за другимъ и третій. Все и потонули.

⁴⁾ Вырубили.

А Шуть Гаврила пріѣхалъ домой къ своей старухи и сталъ съ ей жить-поживать да добра наживать.

И теперь онъ еще живе.

II

Мать и дочь.

Жиль-быль старикъ да старуха. У ихъ была зла доць. Она постоянно ругалась съ родителями, и сусѣды знали, што она така злая дѣвка. Задумалъ одинъ мужикъ жениться на этой самой дѣвкѣ. Сусѣды ему и говоря:

— Куды ты возьмешь такую злую дѣвку?

А онъ отвѣцять:

— Ницего, выую.

Пріѣхалъ мужикъ, сосваталъ эту дѣвку и поѣхали къ вѣнцю. Оввѣнцались. Отъ вѣнца и поѣхали. Вотъ куцерь лошадь бѣе—лошадь не иде. Мужикъ куцеру и говоритъ:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Взялъ куцера да въ снѣгъ и спихнулъ. Погонялку взялъ въ руки да ну самъ лошадедку бить. Билъ, билъ, а лошадь все не иде. Вотъ онъ лошади и говоритъ:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Схватилъ топоръ да ю и убилъ. Пошли домой пѣшкомъ. Пришли домой съ гостямъ. Мужикъ и говоритъ жены:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Жена подумала, подумала и што дѣлать? Нагрѣла самоваръ, угостила всихъ гостей чаемъ.

Вотъ ночь молоды проснали, день прожили. Къ имъ и приходитъ въ гости мать. Зеть свернулъ папирску и пошелъ въ сѣни курить, а самъ стоитъ да слушать у дверей, што про него стануть говорить. Вотъ мать у доцери и спрашивать:

— Каково тебѣ, дитятко, живетсе?

— Да нице,—отвѣцять доць,—жить то хорошо, да только мужняго взгляду боюсь.

Мать и говоритъ доцери:

— Ой, шальня, не бойсе. Ругайсе побольше. Возьмешь большину ⁵⁾ въ руки—и бояться не будешь. Я,—говорить,—сперва тоже боялась старика, а нонь, какъ стала ругаться на него—онъ ужъ меня боитсе.

Зеть все это выслушалъ и не понравилосъ ему. Вотъ онъ и заходитъ и говоритъ:

Дай-ка, теща-матушка, запашемте поле небольшо, которо у меня на задворкахъ. Теща со женой справились да вси втроемъ и пошли. Пришли на поле. Мужикъ запрегъ тещу въ соху, жены набокъ и сталъ пахать. Поле пребольшо-большо, и онъ погонялкой тещу порѣзгивать. Вотъ оны поле запахали. Мужикъ жены и говоритъ:

— Поди, грѣй самоваръ. А ты, теща—матушка, еще заборонуй.

Выпрегъ онъ тещу-то матушку изъ сохи да запрегъ въ борону. Куды рѣзне погонялкой—туть у тещи—матушки на плечахъ кровяны рубци.

Забороновали поле. Вотъ мужикъ тещи и говоритъ:

— Пойдемъ, нонь, чай пить.

⁵⁾ Дерхъ.

А теща страшно устала, што и говорить не могла и давай Богъ ножки домой... Прибѣжала и стала ругаться на старика.

— Охъ, ты, старикъ, бѣдный, несчастно мы дочерь отдали замужъ.

— А што?—спрашивать старикъ.

— Да што,—отвѣцять старуха,—весь день поле пропахали. Я цуть жива осталась.

Вотъ старикъ на второй день собралсе да походить къ дочери въ гости. Пришелъ къ дочери. Зеть такимъ же манерцикомъ папироску скрутилъ и—въ сѣни курить. Старикъ у дочери и спрашивать:

— Каково тебѣ, дитятко, жить?

— Да хорошо,—говорить,—жить-то, да только мужняго взгляду ужъ больно боюсь.

А старикъ и говорить:

— Бойсе, бойсе, дитятко, уважай да улаживай, живите хорошенько и житье поиде хорошо.

Это зетю пондравилось. Онъ приходитъ изъ сѣней, грѣтъ самоваръ, вина принесъ, блиновъ напекъ да старика наугощаль. Вотъ старикъ домой и захоходилъ. Зеть привесъ пива нѣсколько бутылокъ да привязаль старику къ шеи.

Подходить старикъ ко своей ко старой избенкѣ, а старуха-то смотритъ въ окно да говорить:

— Ой, мои красны солнышки, я-то,—говорить,—поле пахала, а старику-то бѣдному хомуть на шею надѣли.

Показались старухи бутылки быдто хомуть.

Заходить старикъ въ избу, снимать со шеи бугылки, садитсе у стола да пьет пиво и говорить:

— Што ты, стара корзина, врала, што дочери худо. Какъ меня зеть приняль да наугощаль, дакъ всю дорогу шель пьявъ. Смотри, сколько бутылокъ далъ еще на дорогу...

III

Конь, Свинья, Кошка, Собака да Пѣтухъ.

Жиль-быль старикъ со старухой. У ихъ были: старый конь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ.

Разъ старуха и говорить старику:

— Старикъ, не будемъ коня держать,—убьемъ.

Старикъ говорить:

— Давай убьемъ.

Конь услыхаль это и ночью взялъ да ушелъ.

Слѣдъ коня и свинья ушла.

А собака хлѣбъ съѣла у старухи, и оны хотѣли ю задавить. И собака убѣжала. Остались кошка да пѣтухъ. Вотъ кошка шла разъ по полки и сронила вси горшки съ простоквашей. И кошка убѣжала. Пѣтухъ подумаль:

— Нецего мнѣ тутъ одному оставатьсе.

И пѣтухъ полетѣлъ.

Кошка сѣла коню на спину, а пѣтухъ къ свиньи, а собака сама.

Вотъ приходятъ оны къ одной избушки. Видять огонекъ. Тамъ сидять разбойники, вино попивають да золото переливаютъ. Конь и говорить:

— Стойте!

Конь какъ пинуть ногой въ окно—только стекла полетѣли.

Разбойники побѣжали изъ хаты.

Зашли конь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ въ избу, наѣлись, напились. Ковъ да свинья на двори стали, собака въ сѣняхъ, пѣтухъ на крыши, а кошка въ печьки. Сидятъ.

Разбойники бѣжали, бѣжали да остановились. Одинъ и говоритъ:
— Кой цертъ мы спужались? Пойдемте обратно.

Одинъ пошелъ обратно, а два остались дожидать. Вотъ, зашелъ онъ въ избу. Темно, а спицекъ вѣтъ. Посмотритъ онъ въ печьку, а тамъ у кошки свѣтлѣють глаза. А онъ думатъ, што уголь горящій. Онъ какъ дунетъ, а кошка какъ вцѣпитсе ему въ глаза—онъ и побѣжалъ. А кошка висне у его на лица. Выбѣжалъ въ сѣни—собака какъ вкусить его за ноги—онъ и палъ. А пѣтухъ на крыши крицитъ:

— Ку-ку-ре-ку, бейте его!

Онъ какъ вышелъ на дворъ—конь пинулъ его, свинья вкусила—онъ и давай Богъ ноги. Гожа-то у его вся вырвана, кровь теке. Прибѣжалъ къ тѣмъ разбойникамъ и говоритъ:

— Вотъ я на бѣду-то попалъ! Все глаза вырвали да еще кака-то вѣдьма съ крыши крицитъ:

— Ку-ку-ре-ку, бейте его!

Разбойники и убѣжали. А лошадь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ стали жить-поживать въ этой избушки. Не нать имъ ни хозяйина, ни хозяйки. Кошка стряпать, собака стереже, конь работатъ, пѣтухъ забавлятъ ихъ пѣснями, а свинья нечисть убираетъ.

IV

Шуба-самолетъ.

Шелъ мужикъ по дороги. Пальтишко на емъ было худяще. Што онъ придумалъ? Въ смолу засмолить пальтишко это, штобы крѣпче оно было. Засмолилъ въ смолы, идетъ и видитъ; у птицы пухъ много растреплено. Онъ взялъ да закаталъ пальтишко-то это само въ пухъ. Къ смолы пухъ-то и прильнулъ. И сдѣлалось пальто мохнато. Вотъ мужиценок-то, этотъ самый, иде да руками размахивать. Настрѣту ему ѣдетъ попъ. Остановилъ лошадей попъ: антиресно ему посмотритъ на мужицью шубу. Попъ мужику и говоритъ:

— Што у тебя, братецъ ты мой, за шуба така?

— Это у меня шуба-самолетъ,—отвѣцятъ мужикъ.

Попъ и говоритъ:

— Кака така самолетъ?

— Така самолетъ, батюшко, што куды вздумашъ, туды и понесе,—говоритъ мужикъ,—хоть въ Питеръ, хоть въ Москву. Только на высокой домъ выстанъ, руками замаши—ды и будешь въ Питеръ.

Попъ и говоритъ:

— А сколько возьмешь ты за эту саму шубенку?

— Сколько?—отвѣцятъ,—триста рублей да съ тебя шубу, корету и лошадей.

Попъ ему и отдаватъ. Одѣватъ онъ на себя шубу-самолетъ, а мужиценок садится въ корету и съ радостью поѣзжать домой. Вотъ попъ и приходитъ въ новой шубѣ домой. Пришелъ и говоритъ своей попадьи:

— Матушка, грѣй самоваръ. Сейцясъ въ Питеръ полецю.

Попадья смотритъ и говоритъ:

— Какъ полетишь?

— Да смотри,—отвѣцятъ попъ,—я шубу—самолетъ купилъ.

Вотъ попадя согрѣла самоварчикъ, попъ чаю напился, призвалъ знакомыхъ смотрѣть, какъ онъ полетитъ. Вылѣзъ онъ на высокій домъ, а знакомы все смотря на его. Попъ руками замахалъ, ногами задрывалъ и... полетѣлъ...

Палъ на землю да убился.

И сказки конецъ, добрый молодець.

У

Попъ и работникъ.

Жиль-быль попъ съ попадѣй. Разъ приходитъ къ попу работникъ наниматься.

— Што,—говорить,—батюшко, возьмете меня въ работники?

Попъ и спрашивать:

— А што мошь работать?

— Што,—говорить,—дрова могу рубить и... и все.

Вотъ попъ и посылать работника:

— Поди рубить дрова.

Работникъ и пошелъ дрова рубить. Нарубилъ работникъ дровъ пребольшу-большу кучю да пришелъ домой.

Попъ и говорить ему:

— Што нарубилъ уже дровъ?

— Нарубилъ,—говорить работникъ.

— Мало,—говорить попъ.

— Дакъ поди, посмотри,—отвѣцять работникъ.

Пришелъ попъ, посмотрѣлъ и диву дался—сколько дровъ нарубилъ работникъ. Приходитъ онъ домой и говорить попадѣ:

— Матушка, вотъ бѣда, попали мы на работника. Страшно дровъ много нарублено. Пошлемъ мы его въ поле—пускай нашихъ коровъ приведетъ.

А коровъ-то въ поли у попа и не было.

Приходитъ попъ къ работнику и говорить:

— Сходи-ко въ поле да приведи нашихъ коровъ.

Вотъ приходитъ работникъ въ поле, и медвѣдь хоце его съистъ. Онъ медвѣдя схватилъ за голову, сѣлъ къ ему на спину и поѣхалъ. Приѣхалъ домой, медвѣдя спустилъ на дворъ. А у попа на двори было петь коровъ. Медвѣдь все эти коровы и сѣлъ. Вотъ работникъ приходитъ къ попу въ избу да говорить ему:

— Поди смотри. Я привелъ коровъ.

Попъ пришелъ на дворъ, а тамъ одинъ медвѣдь ходитъ и коровы все сѣдены.

Онъ работнику и говорить:

— Поди, сходи къ озеру—тамъ я купался да крестъ потерялъ. Найди-ко, ты, его да принеси мнѣ.

А самъ посылать, штобы воденникъ сѣлъ. Работникъ и пошелъ. Пришелъ онъ къ озеру—воденникъ ходитъ. Работникъ схватилъ воденника за длинны волосы и повелъ. Привелъ опеть на дворъ къ попу и спустилъ. Приходитъ къ попу:

— Поди,—говорить,—крестъ твой на двори.

Попъ какъ посмотреть, а на двори воденникъ ходитъ.

Приходитъ опеть попъ къ работнику да говорить:

— Поди-ко въ лѣсъ сходи да принеси мои дѣньги.

Работникъ преспокойно запрегъ медвѣдя, воденника куцеромъ посадилъ, а самъ сѣлъ въ повозку бариномъ.

Пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, а настрѣту ему чертъ иде.

— Давай, — говоритъ, — съ тобой въ карты поиграемъ.

— Давай, — отвѣщаютъ работникъ.

Ну вотъ, сѣли оны въ карты играть. Играли, играли, играли, играли — всю ночь напролетъ. Работникъ черта и обыгралъ. Чертъ работнику и деньги отдалъ.

Работникъ сѣлъ въ повозку и поѣхалъ. Привезъ онъ попу деньги да и говоритъ ему:

— На, бери.

Попъ и говоритъ своей попадьи:

— Вотъ бѣда, матушка, никуда не дѣннессе отъ работника.

Давай стряпай стряпню да убѣжимъ съ дому.

Попадья стряпню настряпала, полный кошель наложила и повѣсила къ воронцю. Работникъ приходитъ въ избу — въ избы никого нѣту. Заглянулъ въ кошель — въ кошели стряпня. Онъ стряпенку-то эту всю и сѣлъ, а самъ въ кошель сѣлъ. Сидитъ. Вотъ приходитъ попь да говоритъ:

— Ну, матушка, нѣту работника — побѣжимъ.

Попъ кошель на плечи схватилъ и оны убѣжали.

Вотъ оны бѣжать, бѣжать по дороги, а работникъ въ кошели тихонько и кричитъ:

— До-го-ню, до-го-ню.

А попь попадьи и говоритъ:

— Бѣжи, матушка, скорѣ. Онъ вслѣдъ бѣжитъ насъ.

Бѣжали оны, бѣжали, пока устали ды истъ захотѣли.

Добѣжали до озера — попь и говоритъ:

— Давай, матушка, поѣдимъ.

Вотъ снимать попь процъ со себя кошель и нацинать его развязывать. Только хоче взять стряпню, а изъ кошеля вылѣзаетъ работникъ. Опеть имъ и бѣда. Такъ голодны оны и спать повалились⁶⁾. Повалили оны работника о само озеро и говоря тихонько:

— Какъ заснетъ онъ, дакъ мы его и пихнемъ въ воду.

А работникъ былъ не дуракъ. Попъ съ попадьей уснули, а онъ взялъ да перешель на другой бокъ. Вотъ пападья проснулась да вмѣсто его пихнула въ воду попа. На слѣдъ попа работникъ пихнулъ въ воду попадью. Оны оба и потонули. А работникъ пришелъ домой, все пораспродалъ, денежки себѣ въ карманъ положилъ да уѣхалъ. Сталъ жить-поживать да добро наживать. И все...

VI

Царь и мужикъ.

Жиль-быль царь съ царицей. У ихъ была доць, и жила у ихъ одна старуха. Одинъ мужикъ придумалъ царя надуть. Взялъ онъ пашку смолы, илѣ да кричитъ:

— Нѣтъ ли лбовъ золотить?

Пришелъ онъ къ царицѣ да говоритъ:

— Што, можно васъ позолотить?

Она говоритъ:

— Позолоти.

Онъ ю позолотилъ, сто рублей у ей полуцилъ и говоритъ:

— Лежите, штобы золото не сѣхало.

⁶⁾ Легли.

Зашелъ въ другу комнату. Тамъ царська доць.

Онъ ю и спрашиватьъ:

— Што, можно васъ позолотить?

Она говорить:

— Позолоти:

Онъ и ю позолотилъ, сто рублей взялъ и сказалъ, што царицѣ.

Потомъ зашелъ въ третью комнату. Тамъ стара старуха.

— Што, можно васъ позолотить?—спрашиваетъ.

— Подзолоти подъ штарость—шамкатъ старуха.

Онъ ю позолотилъ, взялъ сто рублей и ушелъ.

Заходитъ царь къ царицѣ. Царица ему и говорить:

— Тише, тише, баринъ, подзолота не сбей, подзолото—сто рублей.

Онъ и говорить ей:

— Да што ты, ты вѣдь не въ золоти, а въ смолы.

Потомъ царь зашелъ къ дочери да ко старухѣ. Тамъ то-же.

Вотъ царь и спрашиватьъ:

— Кто васъ тутъ смолой помазалъ?

Оны и говоря:

— Да вотъ мужикъ какой-то приходилъ золотить.

Царь повернулся, взялъ лошадь и поскакалъ догонять этого мужика. А мужикъ иде по дороги и ему стрѣту старуха.

Онъ старухи и говорить:

— Старуха, снимай одежду Сейчасъ царь поѣде. Онъ тя убье.

Старуха сняла одежду и мужикъ старуху въ мохъ закопалъ, а самъ одѣлъ старухину одежду и стоитъ. Ъдетъ мимо царь.

— Што,—говорить,—бабушка тутъ дѣлашь?

— А сусла¹⁾ развожу.

— А не видала тутъ прохожаго, такого разбойника-мужика?

— А вотъ недавно этта пробѣжалъ тутъ какой-то разбойникъ.

— А не мошь-ли, бабушка, догонить его?

— Отце! могу. Только дайте мнѣ одежду со себя.

Царь отдалъ мужику свою одежду. Мужикъ ю надѣлъ на себе, а царя надѣлъ въ старушью одежду и говорить ему:

— Держи сусла, не выкопай. Я поѣду догонить.

И мужикъ уѣхалъ.

Царь стоялъ, стоялъ. Потомъ услышалъ изъ подъ мху какъ старуха заворцала. Онъ взялъ, разрылъ мохъ, а тамъ старуха жива. Старуха царю и говорить:

— Да што ты, батюшко, тотъ-то разбойникъ и былъ. У меня онъ одежду снялъ да закопалъ въ мохъ.

Ну, што тутъ царю дѣлать? Отдалъ онъ старухи ейно платье, самъ надѣлъ мужицкое, которое у старухи было и пошелъ домой.

Пришелъ домой, а его солдаты не пускають: опознали. Онъ затымъ и взмолился солдатамъ:

— Да што вы, братики, я вѣдь вашъ царь-то.

Его потомъ и пустили.

А мужикъ домой пришелъ съ деньгами и нонь еще живе—поживать да добро наживать.

И смѣется онъ надъ царемъ, какъ онъ ловко надулъ его.

¹⁾ Это слово сама сказочница не могла объяснить.

VII

Сказки объ Иванушкѣ-Дурачкѣ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ было три сына. Младшій былъ Иванушка-дурачекъ. Отецъ у ихъ былъ больной: лежалъ при- смерти. Онъ сыновьямъ и говорить:

— Какъ я, сыновья, помру—вы все по ноци посидите у меня надъ могилкой.

Вотъ отецъ и померъ. Перву ноцъ нать иди старшему сыну сидѣть. А старшій сынъ боитсе иди, посылаетъ Ваньку.

— Ванька, сходи-ка посиди за меня ноцъ-то.

Ванька лежитъ на печи, а ноги у него къ потолку и говорить:

— А што даите?

А невѣстки говоря:

— Блинъ житный да блинъ овсяный даемъ.

Ванька слѣзатъ съ печи, одѣватъ свою шубенку, бере блины и пошелъ. Приходитъ на кладбище и сѣлъ къ отцевой могилы. Отецъ и высталъ изъ ямы. Сидитъ съ Ванькой отецъ да разговаривать. Заря стала, пѣтухи запѣли, отецъ и палъ въ гробъ. А Ванька пошелъ домой.

Втора ноцъ. Среднему сыну нать иди къ отцю. Опять Ваньку онъ и посылать.

— Давай, Ваня, сходи да посиди за меня еще ноцъ.

Опять дали Ванькѣ блинъ житный да блинъ овсяный, и онъ пошелъ. Опять пришелъ, посидѣлъ да съ отцемъ поразговаривалъ. Пѣтухи запѣли, заря встала, отецъ опять и палъ въ гробъ.

Третья ноцъ. Ванькина оцередъ иди. Невѣстки и братана говоря:

— Хоть-бы сѣлъ отецъ Ваньку—не жалко.

Вотъ Ванька опять и пошелъ. Сидитъ опять съ отцемъ разговаривать. Отецъ ему далъ золотой клубокъ и говорить:

— Спустишь этотъ клубокъ. Куды онъ покатитсе—туды и ты поди.

Пѣтухи запѣли—отецъ и палъ въ гробъ. Вотъ Ванька пришелъ домой, свалился на печьку да лежитъ. Утромъ братана собираютсе: походятъ смотрѣть тамъ одну царевну, котора сидитъ на третьемъ этажи. Будутъ тамъ прѣзжать у кого конь хорошій да можетъ перескоцитъ все стѣны. Тому и царевна броситъ золотымъ кольцемъ въ лобъ. И у кого во лбу останетсе кольцо—тотъ ейный суженый и будетъ.

Братана пошли. Ванька бере корзинку и походить по грибы. Спустилъ онъ клубокъ золотой, а самъ пошелъ за нимъ. Выскоцилъ конекъ—въ ноздряхъ—искры, въ ротяхъ—пламя. Ванька къ коньку сунулсе въ ухо—намылсе; въ друго сунулсе—накрутилсе¹⁾. Сѣлъ на конька да и поѣхалъ. Вотъ прѣхалъ онъ туды, къ царевнѣ. Конь какъ вскоцилъ—только два вѣнца не могъ перескоцитъ. Ванька повернулсе—только поцикивать погонялкой всихъ. Все смотря на него. Поѣхалъ Ванька обратно домой. Спустилъ конька, а самъ свалилсе на печьку да лежитъ. Вотъ приходя братана и говоря:

— Охъ, Ванька, ты не видѣлъ, какъ прѣзжалъ туды молодець.

Конь-то какъ у молодца..

Ванька лежитъ да посмѣхиваетсе и говорить:

— Не я ли, хоть, былъ-то?

Братана и говоря:

— Ужъ ништо ужъ былъ, какъ не ты, слюневатикъ, пулеватикъ.

¹⁾ Приварядился.

На второй день братана снова справляются смотрѣть къ царевны. А Ванька—корзину въ руки и пошелъ. Опеть спустиль онъ клубокъ и выскоциль, конекъ. Въ ноздряхъ у его—искры, въ ротяхъ—пламя. Онъ опеть намылсе, накрутилсе и поѣхаль. Опеть какъ конь скоциль дакъ одного вѣнца до царевны не могъ перескоцитъ. Повернулсе Ванька—только пыль столбомъ пошла. Спустиль конька, а самъ опеть и на печьку. Опеть приходя братана и говоря:

— Охъ, Ванька, какой молодець-то тамъ пріѣзжалъ...

А Ванька опеть посмѣхиваетсе и говоритъ:

— А не я ли, хоть, былъ-то?

Оны и говоря:

— Ну, дуракъ, молци.

И на третій день братана опеть отправились смотрѣть. Ванька опеть спустиль клубокъ, выскоциль конекъ. Какъ пріѣхаль Ванька, конекъ его какъ скоцитъ, онъ черезъ стѣны и перескоциль. Царевна Ваньки золотымъ кольцемъ да въ лобъ. Такъ во лбу кольцо и осталось.

Ванька пришелъ домой, опеть забралсе на печьку, въ гнилу²⁾ замазалсе весь и лежитъ. Вотъ братана и пришли и говоря:

— Охъ, Ванька, сегодня ты не видѣль молодця...

Ванька опеть и говоритъ имъ:

— А не я ли, хоть, былъ-то?

Братана и говоря:

— Лежи тамъ, слопеватикъ, пулеватикъ.

Повалились спать, Ванька какъ рукой-то со лба то сошоркаль гнилу—въ избы стало свѣтло, какъ отъ ланны.

Засвѣтло—братана и говоря:

— Мамка, Ванька табакъ курить.

Мать и говоритъ:

— Ванька, туши спицьку—не то зажгешъ што нибудь.

Утромъ братана опеть захожили къ царевны. Ванька свою худую шубенку на плечи надѣль и пошелъ тоже къ царевны на пиръ. Пришли. Царевна всехъ обходитъ да смотритъ, а Ванька затынулсе за печьку ды и лежитъ. Замазалсе онъ весь въ сажу да въ гнилу. Царевна всехъ пересмотрѣла: и богатыхъ и пужныхъ—ни у кого не могла найти кольцо-то во лбу.

Потомъ увидѣли этого Ваньку. Смыли съ его сажу да гнилу и увидѣли кольцо во лбу. Тутъ царевна и сказала:

— Этотъ мой мужъ суженый.

Сейцясъ Ваньку взяли прислуги, хорошенько намыли, одежду принесли да накрутили и съ царевной обвѣнчали. Братана ему завидовали. А онъ сталъ жить-поживать съ царевпой. И все...

И. Цейтлинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

²⁾ Глину.

Поморскія народныя сказки.

(Окончаніе).

VIII*)

* * *

Жиль-быль на свѣти Ванька—двое съ матерью. Ванька ходилъ наживать. Наживалъ по три копейки въ день. Разъ идетъ Ванька по улицы, а мужикъ давитъ собаку. Ему стало жалко.

— Продай мнѣ собаку,—говоритъ,—не дави.

Мужикъ и продалъ ему собаку за три копейки. Вотъ Ванька пришелъ да собацку домой принесъ и говоритъ:

— Мамка, я собацку купилъ.

Мать и говоритъ:

— Куды ты собаку покупаешь, какъ у самыхъ истъ нечего?

На второй день Ванька пошелъ, а мужикъ кошку давитъ.

— Не дави,—говоритъ,—продай мнѣ.

Мужикъ и продалъ ему кошку за три копейки.

Онъ принесъ домой кошку. Въ третій день пошелъ, а мужикъ змѣю давитъ. Онъ мужику и говоритъ:

— Не дави, мужицекъ, продай мнѣ.

Мужикъ ему змѣю и продалъ за три копейки. Пришелъ Ванька домой и принесъ змѣю. Змѣя подъ печьку и затянулась. Ванька матери говоритъ:

— Мамка, я змѣю купилъ.

Мать страшно спугалась и говоритъ:

— Да што ты, Ваня, ошалѣлъ?

На четвертый день Ваня пошелъ, нажилъ три копейки и купилъ фунтъ хлѣба. Мать въ эту пору нажгала коцерьгу и побила ей змѣю. Пришелъ Ванька домой, накормилъ собаку, кошку, самъ поѣлъ, да матери далъ хлѣбъ. Змѣя и говоритъ Ванькѣ по целовѣцки:

— Ваня, веди меня къ моему папѣ. Твоя мама меня здѣсь очень обижаютъ.

А эта змѣя была дѣвица. Только она какъ замужъ походила, дакъ ю спортили на свадьбы. Ну, Ваня ю домой и повелъ. Она по дороги Вани и говоритъ:

— Ваня, не бери у меня ни злато, ни золото. Только одно кольцо возьми.

Поскакала змѣя по пеньямъ, по колодьямъ. А Иванушка слѣдъ ей. Вотъ прискоцила змѣя да черезъ стѣну какъ махнула и сдѣлалась дѣвица—лучше, краше на свѣтѣ ей нѣтъ.

И сталъ Иванушкѣ ейный папа давать золота:

— Бери сколько надо.

Иванушка золота не бере—только кольцо просить. Отецъ ему кольцо и отдалъ. Иванушка пошелъ домой. Пришелъ домой ноци-сь и легъ спать. Ноци-сь взялъ да кольцо перемѣнилъ съ пальцю на палецъ и выскоцило три молодца:

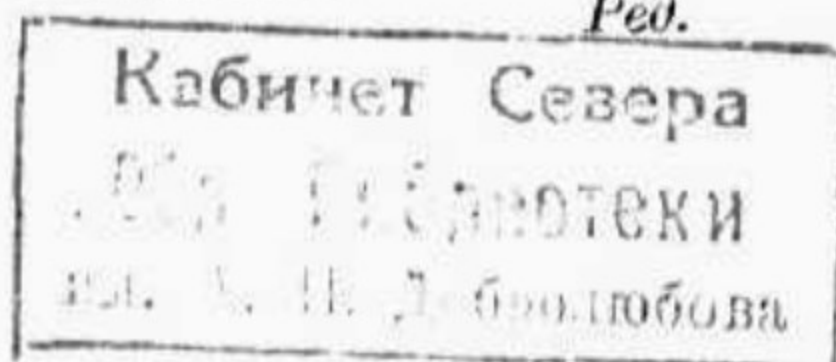
— Што, новый хозеинъ, нать?

Онъ и говоритъ:

— Анбаръ хлѣба, да банку денегъ нать.

*) Продолженіе сказокъ объ Иванушкѣ-Дурачкѣ.

Ред.

Ну, ему и все готово. Вставать утромъ Ванька и говорить:

— Мамка, напеки-кось блиновъ сегодня.

А мать ему говорить:

— Ошалѣлъ што-ли? У насъ вѣдь муки-то нѣтъ.

Ванька и отвѣцять:

— Да поди въ анбаръ-то да возьми.

Мать какъ пришла въ анбаръ, такъ прямо крыша вздымается отъ муки. Ну, она муку взяла да и пошла. Пришла въ домъ—Ванька опеть ей и говорить:

— Возьми денегъ да купи масла, мнѣ на рубаху да себѣ башмаки.

— Ваня, да у насъ денегъ то нѣтъ,—говорить мать.

— Да бери въ банки-то, на полки,—отвѣцять Ванька.

Мать денегъ взяла и пошла въ лавку. Купила масла, себѣ башмаки да Ванькѣ на рубаху. Потомъ пришла домой, напекла блиновъ, накормила Ваню. Ванька ей опеть и говорить:

— Поди, понь, къ царю да сватай доцерь замужъ за меня.

А мать и глаза выпуцила.

— Да што ты, Ваня, ужъ будто царьска доцерь поиде за тебя.

— Поди, поди—отвѣцять Ванька,—головы то не срубя.

Пришла старуха къ царю, а руки да ноги у ей дрожать, и говорить:

— Милостливый Государь, не отдаешь ли свою доцерь за моего сына замужъ?

Государю показалось это смѣшно. Онъ и говорить.

— Пускай такую же палату выстроить, какъ у меня, штобы отъ вашего крыльця до моего дворца былъ стекляной мостъ.

Вотъ старуха пошла и говорить Иванушки:

— Вотъ каку загодку Государь загонулъ: штобы ты такой-же дворець, какъ у его, выстроилъ да штобы отъ нашего крыльця до его дворца стекляной мостъ былъ.

А Ванька отвѣцять:

— Это не служба, а службишка. Еще служба вся впереди.

Ноцью взялъ кольцо съ пальцю на палець перемѣнилъ и выскоцило три молодця:

— Што, новый хозяинъ, нать?

— Нать такую же палату, какъ у царя, и штобы отъ моего крыльця до царьскаго дворца стекляной мостъ былъ.

Утромъ выстала мать и не зная, куды пойти послѣ худой-то и бенки. Иванушка говорить ей:

— Ну, поди сватай теперь.

Мать какъ вышла съ крыльця да по стекляному мосту прокатилась до царева дворца. Пришла къ царю и говорить:

— Ну, все готово.

Царь какъ посмотритъ и говорить:

— Пускай, штобы къ вѣнью какъ пойдуть, штобы яблоки цвѣли на улици, а какъ—съ вѣнця пойдуть, штобы на столи были.

Свадьбу снарядали да къ вѣнью пошли. Какъ къ вѣнью шли—яблоки на улици цвѣли, а обратно пришли—яблоки на столи были.

Вотъ молодые спать повалились. Царевна и спрашиваетъ у Ван

— Гдѣ ты богатство нажилъ?

А Иванушка возьми да Расскажи ей. Вотъ заснулъ онъ, царевна у его кольцо стащила, съ пальцю на палець перемѣнила и выскоцило три молодця:

— Што, нова хозяйка, нать?

— Перенесите меня съ этой палатой да съ мостомъ въ такой-то городъ къ моему жениху.

Сейчасъ ю перетащили. А Иванушка какъ проснулся утромъ— видитъ, што онъ опеть въ старой избенки, денегъ нѣту ды и жены нѣту. И посадили его въ тюрьму.

А кошка да собака, которы были у Иванушки, собрались и пошли кольцо искать. Пришли оны въ тотъ городъ, въ тотъ домъ, гдѣ царевна живетъ. Царевна лежитъ на кровати со женихомъ, и кольцо у ей въ зубахъ. Кошка захватила мыша и бросила къ царевни на губы. Царевна заплевалась и кольцо на полъ выронила. Кошка захватила кольцо въ зубы, да и убѣжала. Пришли кошка съ собакой къ рѣки. Нать рѣка переплыть. Собака поплыла, а кошка у ей на спине. Вотъ собака спрашивать у кошки,—есть ли у ей кольцо. Кошка отвѣтила и выронила кольцо изъ рота въ воду. Приплыли оны къ берегу и сидятъ.

А тутъ ловейки ловили. Оны заловили щуку пребольшу-большу, приѣхали на берегъ и стали ю дѣлить и говорятъ:

— Дать хоть бѣднымъ собаки да кошки костоцьки отъ щуки.

Стали собака да кошка костье истъ, а тамъ кольцо.

И побѣжали оны съ радостью. Принесли къ тюрьмы и подали кольцо Иванушки черезъ окосецько. Иванушка перемѣнилъ съ пальцю на палець и выскоцило три молодца.

— Што, новый хозяинъ, нать?—спрашиваютъ оны.

Онъ и говоритъ:

— Перенести отъ такой-то царевны палаты и стекляной мость, а меня туды изъ тюрьмы.

Сдѣлали. Иванушка потомъ пришелъ къ самому Государю и рассказалъ, какъ богатство нажилъ и гдѣ его доць-царевна живе. Царь ему отдалъ меньшу доць замужъ. Оввѣнцелись оны и живутъ въ добри да во радосьяхъ еще и теперь.

Сказки объ Иванъ-Царевичъ.

IX

Жиль-быль на свѣти Иванъ-Царевичъ. Вотъ разъ Ивану-Царевичю пришло проѣзжать мимо бани. Давай, думать Иванъ-то Царевичъ,—пойду посмотрю, не моютсе-ли красны дѣвицы.

Подошелъ къ бани и слышитъ, три дѣвицы баютъ. Посмотрѣлъ—кудели цешуть. Одна говоритъ:

— Кабы меня Иванъ-Царевичъ взялъ—золоты бы кружева сошила.

Друга говоритъ:

— Кабы меня Иванъ-Царевичъ взялъ—я бы золоту манишецьку ему бы сошила.

А третья говоритъ:

— Кабы меня Иванъ-Царевичъ взялъ—я бы въ трехъ брюшкахъ левяць сынковъ ему породила, каждый по колѣно ножки въ серебри, по локоть руцьки въ золоти, во лбу соньце, а въ затыдкѣ ясный мѣсяць, а по окосицямъ *) цясты мелки звѣзды.

*) Вискамъ.

Иванъ-Царевичъ все выслушалъ и взялъ третью дѣвицу замужъ. Ю звали Марья. Иванъ-Царевичъ пожилъ съ ей и потомъ поѣхалъ за моря. Царевна родила отъ Ивана-Царевича трехъ сынковъ. У сынковъ всехъ ножки въ серебри, руцки въ золоти, во лбахъ соньца, на затылкахъ ясны мѣсяци. Послала Марья-Царевна прислугъ бабокъ звать. Вотъ иде прислуга, а настрѣту ей Яицна-Бабицна иде и спрашивать:

— Куды, дѣвка, пошла?

Дѣвка говоритъ:

— Бабку наживать.

— Возьми ко меня.

— Пойдемъ.

Вотъ Яицна-Бабицна взяла трехъ собаценокъ, принесла къ царевни и оставила ихъ, а трехъ сынковъ забрала.

Вотъ приѣзжаетъ Иванъ-Царевичъ, а эти собацены лають:

-- Тяу, тяу, нашъ папенька приѣхалъ.

Онъ и говоритъ:

— Перву вину Богъ простить.

Иванъ-Царевичъ опеть пожилъ и уѣхалъ. Опеть царевна и родила.

Созвали прислугу и послали за бабкой. Опеть пришла Яицна-Бабицна и принесла трехъ собаценокъ, а сынковъ унесла.

Иванъ-Царевичъ приѣхалъ и говоритъ:

— Втору вину Богъ простить.

Третій разъ царевна родила. На этотъ разъ она одного сына заплела въ косу, другого зашила въ подусецьку, а третій осталсе. Яицна-Бабицна опеть принесла трехъ собаценокъ, а паренька забрала. У Яицны-Бабицны вси эти мальчики во саду жили.

Приѣхалъ Иванъ-Царевичъ и говоритъ:

— Третій разъ Богъ не простить.

Взялъ боцьку сковаль, царевну въ боцьку посадилъ и въ море ю и бросилъ, а самъ взялъ Яицны-Бабицны доцерь замужъ.

Царевну по морю носить въ боцьки. Она одного сына вынула изъ подусецьки, а другого выплела изъ косы и сидить съ има. Вотъ сынки и говоря:

— Матушка, кабы насъ на бережокъ прибило.

А она отвѣцять:

— Дѣтоцьки, кабы изъ вашихъ усть да Богу въ уши.

Ихъ на берегъ и прибило. Сынки опеть и говоря:

— Матушка, кабы у насъ боцьку разломило.

— Дѣтоцьки, кабы изъ вашихъ усть да Богу въ уши.

У ихъ боцьку и разломило. Оны опеть и говоря:

— Матушка, кабы у насъ бѣлокаменна палата сдѣлалась.

У ихъ и сдѣлалась. Оны опеть и говоря:

— Матушка, кабы намъ кисейны бережка сдѣлались.

Вотъ и кисейны бережка сдѣлались. Оны опеть и говоря:

— Матушка, кабы намъ черезъ эту рѣцьку стекляной мостъ сдѣлался.

И сдѣлался стекляной мостъ.

Сошила царевна сынкамъ рубашецьки; оны и бѣгають. А она сидить да золоты коньця шьетъ.

Разъ ей сынки и говоря:

— Матушка, мы пойдёмъ своихъ братцевъ искать.

Оны одѣлись въ рибунно платье и пришли въ домъ къ Ивану-Царевичу.

Онъ сѣлъ съ има и рассказываетъ побывальщина, што у его была жена да ю спустилъ въ море. А Яицьна-то-Бабицьна говоритъ Ивану-Царевичу:

— Да есть у тя толку-то: всякимъ нищимъ рассказывашь.

Потомъ мальчики пошли въ садъ къ Яицьны-Бабицьны и всѣхъ братановъ оттудова повывели.

А Иванъ-Царевичъ ужъ до того дожилъ, что просить по міру пошелъ. Пришелъ онъ разъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ, гдѣ сидѣла царица и шила золоты коньця.

Видитъ онъ: бѣгають вси девять мальчиковъ, по колѣно у ихъ ножки въ серебри, по локоти рудьки въ золоти, во лбахъ соньца, во затылкахъ ясны мѣсяци, а по окосицамъ цысты мелки звѣзды.

Тутъ Иванъ-Царевичъ расплакался и рассказалъ царицѣ про свою жисть, потомъ поцѣловались съ царицей и поцѣловалъ всихъ сынковъ. Сходилъ онъ домой да Яицьну-Бабицьну на воротахъ пострѣлилъ и сталъ снова съ царицей Марьей да со сынками жить поживать во щастьи да во радосьяхъ.

Х

* * *

Жиль-былъ царь да царица. У ихъ въ поли хто-то рѣпу ворвалъ. Вотъ разъ царь и посылать старшого сына рѣпу каравулить. А онъ сходилъ къ сусѣдамъ и посидѣлъ, да пришелъ домой и говоритъ:

— Никого не могъ видѣть на поли.

Послали средняго каравулить. Тотъ также сходилъ, пришелъ домой да говоритъ:

— Никого не могъ укаравулить въ поли.

Вотъ пришла очередь младшому сыну каравулить. Его звали Иванъ-Царевичъ. Иванъ-Царевичъ пришелъ на поле, сѣлъ на угородъ и сидитъ.—Настала ночь. Темно. Иванъ-Царевичъ пѣсенки распѣвать, на небѣ звѣзды считать.

Потомъ вдругъ выскоцилъ мужицекъ, маленькій, съ горбикомъ, и нацалъ рѣпу рвать. Иванъ-Царевичъ соскоцилъ съ угорода, да ну ему рвать тоже рѣпу (мужику). Затѣмъ мужицекъ Ивану-Царевичу и говоритъ:

— Ну, Иванъ-Царевичъ, умѣлъ рѣпу мнѣ нарвать, дакъ умѣй и ко мнѣ зайти.

Мужицекъ указалъ Ивану-Царевичу, куды зайти къ ему въ подземелье. Иванъ-Царевичъ пошелъ домой, взялъ братанъ и пошли. Вотъ пришли оны на поле, онъ братанамъ и говоритъ:

— Вы постойте-косъ здѣсь.

Пришелъ Иванъ-Царевичъ къ мужицку, и сѣли оны въ карты играть. Иванъ-Царевичъ этого мужицка и обыгралъ.

Мужицекъ ему и говоритъ:

— Ну, Иванъ-Царевичъ, умѣлъ меня въ карты обыграть, умѣй отгнать, кака попугай-птица, кака помогай-птица, кака бѣла лебедь.

Иванъ-Царевичъ говоритъ:

— Сейцясь выйду на крыльце и закурю, тогда и буду отгадывать.

Вотъ онъ вышелъ и думать. Этимъ временемъ пробѣжала собацка-Мухтоцка и говоритъ ему:

— Иванъ-Царевичъ, скажи, што попугай-птиця—это муха, а по-могай-птиця—комаръ, бѣла лебедь—вошь.

Вотъ Иванъ-Царевичъ вошелъ и отгонулъ мужицку загадку.

Мужицекъ и говорить:

— Ну, Иванъ-Царевичъ, умѣлъ отгонуть, дакъ я за тебя Марью-Царевну замужъ отдамъ. Вотъ мужицекъ приданно всяко надавалъ, и стали братана приданно вздывать на ремняхъ.

Потомъ Марью-Царевну выздынули и спрашиваютъ Ивана-Царевича:

— А еще што есть вздывать?

А онъ говорить:

— Нонь меня вздымайте.

Вотъ оны, какъ стали его вздывать, взяли да перерѣзали ремни.

Иванъ-Царевичъ и полетѣлъ обратно туды, въ подземелье.

А эти братана взяли Марью-Царевну себѣ и пошли домой.

А Иванъ-Царевичъ подземельными ходами вышелъ на бѣлый свѣтъ и пошелъ, куды голова понесе.

Вотъ онъ иде и видитъ: стоитъ избушка. Онъ взялъ да зашелъ въ избушку. А тамъ въ избушкѣ Бабушка-Зодворенка живе.

Бабушка накормила да напоила его, да спрашивать:

— Куды, дитетко, идешь? Куды попадашь?

Онъ говорить:

— Да вотъ, бабушка, иду домой. Могу ли вѣтъ попастьъ?

— А вотъ, дитетко, пойдешь мимо одного мѣста—тамъ Яицъна-Бабицъна живе; она всихъ ѣсть, дакъ ужъ и тебя съѣсть. Ты какъ придешь къ ей въ избу, она посадить тебя на пекло въ печьку садить. Она какъ тебѣ скажетъ: „руки съузъ“—ты скажи ей:

-- Седь-ко сама да поуци-ко меня.

Она какъ сядетъ на пекло, ты ю въ печьку свисни да самъ убѣжи. Вотъ, дитетко, я еще тебѣ дамъ щетку, гребень и зеркало. Какъ она слѣдъ тебя погонитсе—ты это все бросай.

Иванъ-Царевичъ съ бабушкой распротился, ды и пошелъ.

Вотъ зашелъ онъ къ этой самой Яицъны-Бабицъны. Яицъна-Бабицъна говорить:

— Вотъ, дуракъ, и попалъ. Садись на пекло.

Иванъ-Царевичъ сѣлъ, руки расширилъ. Яицъна-Бабицъна говорить:

— Узъ руки! Лучше сиди.

А онъ и говорить:

— Да седь-ко сама, поучи-ко меня.

Она сѣла, склонилась, скорцилась. Онъ какъ на пекли ю пихнулъ въ печьку да заслонку замазалъ, а самъ убѣжалъ. Она заслонку ногами выколотила и побѣжала за нимъ. Бѣжить и говорить:

— О-охъ ты, дуракъ. Нынѣце нарвесся, попалъ.

Онъ какъ бросилъ гребень—сдѣлался лѣсъ такой высокой, што птицы не перелетѣтъ да звѣрю не перейти. Она зубами перегрызнула да опеть и летить вслѣдъ его и говорить:

— Ну-у, дуракъ, нонь, все равно, не урвесся.

Онъ какъ бросилъ щетку—сдѣлалась гора превысока-высока.

Она опеть эту гору перегрызла ды и бѣжить и говорить:

— Ну-у, дуракъ, нынѣце, все равно, што провалъ.

Онъ какъ бросилъ зеркало,—сдѣлалась огненна рѣка. Она поплыла ды и сгорѣла.

Вотъ Иванъ-Царевичъ подошелъ къ своему городу. Тутъ его бабушка жила. Онъ и пошелъ къ бабушки. Съ бабушкой обнялись-дакъ цютъ не переломились отъ радости.

Онъ спрашивать у бабушки:

— Сюды ходить ли Марья-Царевна?

Она говорить:

— Ходить въ каждый день.

Вотъ бабушка посадила Ивана-Царевича въ шкафъ. Марья-Царевна пришла—бабушка и спрашивать у ей:

— Дитетко, гдѣ твоя тоска?

Она говорить:

— У борана въ рогу,—и сама ушла.

А бабушка взяла борана да назолотила и на столъ поставила. Марья-Царевна на второй день пришла и спрашивать:

— Бабушка, это што у тебя на столи стоять?

Она и говорить:

— А, дитетко, твоя тоска.

Она говорить:

— О-хо-хо, бабушка, моя тоска далеко—въ озеры. Въ озеры—камень, въ камни—сундукъ, въ сундуки—утка, въ утки—яице, въ яици—моя тоска.

Вотъ бабушка съ Ивановъ-Царевичемъ и поѣхали ловить.

Оны рыбы много наловили, а камня все не могутъ заловить.

Остатню тоню какъ потянули, ды и камень заловили.

Оны съ камня вынули сундукъ, съ сундука—утку, съ утки—яице и Иванушко пошелъ съ яицемъ, а бабушка поѣхала на карбаси. Вотъ Иванъ-Царевичъ шелъ—шелъ да съ рукъ яице-то выронилъ и не могъ найти. Сѣлъ на бережокъ да и плацетъ. Видитъ, заецъ иде да ему яице, песе.

Иванушка пришелъ—бабушка его въ шкафъ и посадила опеть.

Сама наварила рыбу да сдѣлала съ яица яисьницу.

Марья-Царевна пришла—бабушка и говорить:

— Садись, дитетко, истъ. Поѣшь яисьницу.

Она и говорить:

— Нѣтъ, бабушка, я сроду не ѣмъ.

Бабушка говорить:

— Да хоть одну-то ложку покушай.

Она и взяла. Какъ сѣла яисьницу—у ей тоска и сошлась.

Она и говорить:

— Ой, бабушка, кабы Иванъ-Царевичъ здѣсь былъ.

Бабушка шкафъ открыла, вышелъ Иванъ-Царевичъ, съ Марьей-Царевной поцѣловалсе, пришли домой, да все розсказалъ отцю. Братановъ всехъ изъ дому повыгнали.

А Иванъ-Царевичъ съ Марьей-Царевной повѣнцались и стали жить-поживать въ любви да во щастьи...

XI.

* * *

Жиль-былъ старикъ да старуха. У ихъ были сынъ и дочь. Старикъ и старуха померли. Сынъ и дочь остались. Вотъ они и пошли въ другу деревню. Идутъ—а стоять коньско копыто съ водой.

Вотъ братъ сестры и говорить:

— Сестрица я напьюсь здѣсь.

Она говорить:

— Братецъ, не пей. Какъ напьессе, дакъ коницекъ будешь.

Онъ и не напилсе. Идутъ опеть, а коровье копыто стоитъ съ водой. Онъ и говорить:

— Сестрица, я напьюсь здѣсь.

Она и говорить:

— Братецъ, не пей: коровушкой будешь.

Онъ и не напилсе. Потомъ идутъ, а стоитъ козлино копыто съ водой. Онъ и говорить:

— Сестрица, я здѣсь напьюсь.

Она и говорить:

Братецъ: не пей козелокъ будешь.

Онъ ве послушалсе да напилсе и козелокъ сдѣлался.

Потомъ идутъ, а стрѣту Иванъ-Царевичъ ѣдетъ. Иванъ-Царевичъ говорить:

— Дѣвица, идешь ли за меня замужъ?

— Если возьмешь меня съ козелкомъ съ братцемъ—пойду,—говорить.

Онъ ю взялъ съ козелкомъ съ братцемъ, повѣнцались и стали звать Марьей-Царевной. Вотъ Иванъ-Царевичъ ю посадилъ за стекла за зеркаля, а самъ уѣхалъ за моря.

А Яицна-Бабицна байну натопила да пришла подъ окошко:

— Марья-Царевна, поди ко мнѣ въ баенку,—говорить,—у меня водушка клюцева да вѣнницекъ шелковый.

Марья-Царевна и пошла къ ей въ байну. Она Марью-Царевну на-жарила, прутьями настегала потомъ купаться повела и говорить ей:

— Бреди дальше въ воду-то.

Она, бѣдна, брела, брела: у ей ужъ не стали ноги хватать.

Потомъ Яицна-Бабицна говорить:

— Выходи.

Она какъ вышла, Яицна-Бабицна ю бросила въ яму, пескомъ зарыла, камнями завалила, а козелокъ все смотреть.

Яицна-Бабицна пришла, ейну одежду надѣла да за зеркальны стекла и села да и сидить. Иванъ-Царевичъ пріѣхалъ и не звать, что это Яицна-Бабицна, думать—Марья-Царевна. Она Ивану-Царевичю и говорить:

— Иванъ-Царевичъ, я сына Ивана несу, козелья мяска хоцю: убей козелка—братца.

Кадусецьки напарили, ножецьки натоцили. Иванъ-Царевичъ взялъ ножикъ и пошелъ рѣзать козелка. Пришелъ на дворъ, а козелокъ и говорить:

Я схожу клюцовой водушки напьюсь, муравой травушки поѣмъ, дакъ вамъ скуснѣй мясо будетъ.

— Иванъ-Царевичъ и оставилъ его не рѣзать до второго дни. Козелокъ и пошелъ. Пришелъ къ ямы-то, гдѣ сестра лежитъ и говорить:

— У—у, сестрица у-у, родима, кадусецьки парять, ножецьки то-цять—меня рѣзать хоцють.

Она и говорить:

— У-у, братецъ,, у-у, родимый, не до тебя мнѣ есть.

Желтымъ пескомъ оци засыпають, бѣлымъ камнемъ груди зажимають.

Козело къ опеть и пришелъ на дворъ. Опеть на второй день напарили кадусецьки, ножики натоцили, и пришелъ Иванъ-Царевичъ рѣзать козелышка. Опеть козелъ и говоритъ.

— Иванъ-Царевичъ, не рѣжь ты меня. Я схожу ключевой водушки напьюсь, муравой травоньки поѣмъ—тогда скуснѣй мясо будетъ. Его и пустили. Пришелъ къ сестрицы:

— У-у, сестриця, у—у, родима,—говорить,—кадусецьки парять, ножецьки тоцятъ, мевя рѣзать хочють.

А Иванъ-Царевичъ шелъ слѣдъ его ды и услышалъ.

Иванъ-Царевичъ у козелка и спрашивать:

— Съ кимъ тутъ разговаривашь?

— А тутъ моя сестра,—отвѣцять,—Марья-Царевна, а тамъ у тебя не Марья-Царевна, а Яицьна-Бабицьна. Иванъ-Царевичъ взялъ, скорѣй песокъ розрылъ, каменя вывалилъ да Марью-Царевну оттуль вынулъ изъ ямы.

Пришли оны всеи домой. Эту Яицьну-Бабицьну Иванъ-Царевичъ на воротахъ пострѣлилъ и стали съ Марьей-Царевной да съ козелкомъ жить поживать. И все...

VII.

* * *

Жиль-быль старикъ со старухой да со дочерью. У старика старуха померла. Онъ взялъ Яицьну-Бабицьну замужъ.

А у Яицьны-Бабицьны былъ свой ребенокъ. Ну, она падцерь свою не залюбила. Што она придумала соврать?

Старикъ ушелъ въ лѣсъ, а Яицьна-Бабицьна убила коня.

Старикъ пришелъ изъ лѣсу, она и говоритъ ему.

— Эку ты волю доцери-то далъ: доць коня убила.

Старикъ замолцьялъ, нице не сказалъ. На другой день Яицьна-Бабицьна убила корову. Пришелъ старикъ изъ лѣсу, она опеть и говоритъ ему:

— Эку ты вѣлю доцери-то далъ: доць корову убила.

На третій разъ Яицьна-Бабицьна убила своего ребенка и говоритъ старику:

— Да што за бѣда—своей доцери никуды не уберешь.

Смотри, она ребенка убила и всихъ поубивала. Куды хошь убери ю. Не стану я больше жить съ ей.

Старикъ взялъ доцерь, отвѣзъ въ поле, отсѣкъ ей тамъ руки по локоть и бросилъ. Она лежитъ тамъ да крицить.

Вдругъ Иванъ-Царевичъ ѣде. Услышалъ крикъ, остановилъ лошадей ды и вышелъ изъ кореты. Вотъ онъ увидѣлъ эту дѣвицю, што она лежитъ. Взялъ ю въ корету, завезалъ платкомъ эти локти да повезъ домой. Привезъ онъ ю домой, посадилъ въ свою комнату, носилъ все исть тулы ей, никого не спускалъ въ эту комнату. Потомъ мать ему и говоритъ:

— Цего ты, Ваня, никого не спускашь тулы, въ эту комнату?

А онъ отвѣцять ей.

— А вамъ како дѣло?

Матери интересно было узнать, што хто тамъ въ этой компати сидитъ. Взяла она лисвицю, выстала въ окно ды и посмотриѣла. Увидѣла тамъ эту дѣвицу.

Вотъ прїѣзжать Иванъ-Царевичъ съ гулянки, а мать и говоритъ:
— Иванъ-Царевичъ, кака у те тамъ безрука сидитъ?

А Иванъ-Царевичъ отвѣцятъ:

— Маменька, дайте мнѣ благословенье, я на ей женюсь.

Мать спугалась, да говоритъ:

— Ваня, да што ты, неужель безруку замужъ возьмешь?

А онъ отвѣцятъ ей:

— Да, мама. У насъ-вѣдь все равно дѣлать-то нечего.

Живеть мнѣ и безрука.

Ну, мать видитъ, што ницего не подѣлашь, взяла да и благословила. Ну, повѣнцался Иванъ-Царевичъ съ этой безрукой, нѣскольки дней прожилъ да уѣхалъ.

А она родила отъ его мальчика.

Вотъ разъ пришла безрука къ свекрови да говоритъ ей:

— Привезите мнѣ на полотеньци ребенка—я пойду къ отцю своему въ гости.

Свекрова привезала ей ребенка—та и пошла къ отцю.

Вотъ она шла, шла—покуда стрѣтился ей руцей. Она въ руцей какъ пить наклонилась, ребенокъ и упалъ въ воду.

Она о руцей идетъ да плацетъ, а мальчика несеть по воды-то. Потомъ ей назади и говоря:

— Наклонись, возьми ребенка.

Она и говоритъ:

— Господи, какъ я возьму, какъ у меня рукъ-то нѣту?

Ей второй разъ говоря:

— Наклонись, возьми ребенка.

Она, какъ наклонилась да стала брать ребенка, у ей и сдѣлались руки. Она взяла ребенка и пошла себѣ.

Пришла она къ отцю въ гости, а это время прїѣхалъ Иванъ-Царевичъ туды. Ни отецъ, ни ейный мужъ ю не узнають, какъ руки-то у ей стали. А она ихъ знатъ.

Вотъ Иванъ-Царевичъ и говоритъ ко всимъ:

— Не знаете ли хто нибудь сказки сказать или побывальщину.

А старикъ говоритъ:

— Не умѣтъ ли молодушка?

— Да, я-то не умѣю. Только у меня кажись умѣтъ.

Иванъ-Царевичъ себѣ взялъ мальчика на руки и мальчикъ сталъ рассказывать побывальщины. Иванъ-Царевичъ приказалъ, штобы не переговаривать, а хто переговоритъ-тому голова долой.

А мальчикъ и сталъ говорить:

— Жиль-быль старикъ со старухой. У старика старуха померла. Осталась доць. (Дальше идетъ пересказъ всей сказки отъ начала).

Яицьна-Бабицьна слушала, слушала и не пондравилось ей это. Она и говоритъ:

— Да есть што слушать то. Такой маленькій, а науценъ ловко-вратъ-то.

Потомъ она ушла за печьку и объѣлась сулемы.

А Иванъ-Царевичъ потомъ узналъ свою жену и поцѣловалъ ю да сына, забралъ ихъ и старика къ себѣ домой и стали жить-поживать.

А Яицьна-Бабицьна, какъ сдохла, ю никто и не тронуль за пецькой. Такъ она и лежитъ тамъ.

— — —
XIII.

Счастье.

Жили-были два братана. У одного брата были дѣти, а у другого не было. У котораго не было дѣтей, тотъ жены и говорить:

— Отдѣлимся отъ его. Не станемъ его дѣтей кормить.

Отдѣлились. У котораго дѣти есть, тотъ живетъ богато, а у котораго дѣтей нѣту, тотъ живетъ бѣдно.

У котораго дѣтей нѣтъ, до того дожилъ, што пошелъ ужъ просить. Идетъ мимо братова поля. На поли бѣлый конь да бѣлый мужикъ—пашеть поле братово. Онъ и говорить бѣлому-то мужику:

— Богъ помоць. Кто тутъ пашеть братово поле?

А бѣлый мужикъ и говорить:

— Это братово счастье.

Онъ палъ въ ноги бѣлому-то мужику и спрашивать:

— А гдѣ мое-то счастье?

А бѣлый мужикъ ему и отвѣцять:

— Да было у тебя счастье—только не умѣлъ уберечь.

Твое счастье,—говорить,—около березы три раза обвилось.

Вотъ бѣлый мужикъ далъ ему клубоцекъ и плетку.

Клубоцекъ онъ спустилъ: самъ за нимъ и пошелъ.

Пришелъ къ озеру, а счастье около березы обвилось.

Онъ этой плеткой рѣзнулъ три раза—счастье и проснулось и говорить:

— Фу-фу-фу, какъ долго спалъ.

А мужикъ и говорить:

— Долго спалъ, да въ пору всталъ.

Ну, и пошелъ мужикъ со счастьемъ къ озеру. Поставили сѣлья, и счастье говорить:

— Ты сиди здѣсь да карауль, а я опеть засну. Только кто прилетитъ, ты безъ меня не бери, а меня разбуди.

Вотъ мужикъ и сидитъ. Вдругъ прилетѣло двѣ золотыхъ птицы, и въ сѣлья и сѣли Мужикъ взялъ золоту птицу одну, потомъ счастье и разбудилъ. Счастье проснулось и говорить:

— Ну, не умѣлъ больше счастья имѣть, дакъ живи и съ тымъ.

Мужикъ и спрашивать у счастья:

— Куды мнѣ положить эту птицу?

— Положи,—говорить,—въ поле въ межу. Она будетъ золотыи яйца садить, а ты неси на рынокъ да продавай.

Мужикъ и спрашивать:

— А сколько за ейны яйца будутъ давать?

Счастье и говорить:

— Я тутъ и буду.

Вотъ мужикъ принесъ и въ поле, закопалъ въ межу. Птица стала золотыи яйца садить, а онъ сталъ на рынокъ носить продавать. Сто рублей за кажно яйцо полуцалъ. Ну, мужикъ и разбогатѣлъ. Выстроилъ себѣ домъ, сталъ имѣть корабли и пароходы свои. Затымъ стала у его жена спрашивать:

— Мужъ, скажи, откуль мы разбогатѣли-то.

Онъ говорить:

— Да вотъ у меня есть въ поли въ межи золота птица.

Жена и говоритъ:

— Ой, ошалѣлъ. Украдутъ вѣдь ю у тебя. Ходи скорее, вынеси. Мужикъ послушалъ жену, сходилъ да и вынесъ, положилъ въ кухню подъ столъ, а самъ уѣхалъ на корабляхъ за моря покупать да торговать.

У жены родилось два мальчика. Одного прозвали Колей, а другого—Ваней. Мужъ долго не пріѣзжалъ—жена и полюбила дьяцка. Одинъ разъ дьячекъ и спрашивать.

— Вы были бѣдны, отце стали богаты?

— А вотъ,—говорить,—у насъ тутъ золота птица есть. Отъ ей мы и разбогатѣли.

Дьячекъ возьме, посмотритъ на золоту птицу и процитатъ на одномъ крылушки:

— Кто это крылушко съѣстъ, тотъ будетъ царемъ.

На другомъ:

— Кто это крылушко съѣстъ, тотъ будетъ королемъ.

Ну, дьяцку и захотѣлось быть царемъ или королемъ.

Вотъ онъ и говоритъ ей:

— Убей эту птицу.

— Нѣтъ,—говорить,—ужь я не смѣю. Мужъ пріѣде, онъ забранитсе на меня.

Дьячекъ осердился ды мѣсяць не приходитъ.

Она и приказала прислугамъ зарѣзать эту птицу да выжарить и дьяцка позвать. Дьячекъ пришелъ и приказалъ вынести мясо въ коллдоръ, штобъ остыло. А это время Ваня да Коля бѣгали по коллдору ды мясо съѣли и по костоцки въ рукахъ только нося.

Хозяйка прислугу послала за мясомъ, а прислуга пришла въ коллдоръ и видитъ: все мясо съѣдено.

Она пришла и говоритъ хозяйки:

— Мяса нѣту. Коля да Ваня съѣли. Только костоцки нося.

Дьячекъ и говоритъ:

— Убей этихъ мальчиковъ.

Она послала работника на дворъ убивать мальчиковъ.

А работникъ и прислуги пожалѣли мальчиковъ убить, дали имъ хлѣба и отравили въ лѣсъ. А на ихъ мѣсто убили собаку да выжарили. Принесли эту жарену собаку, положили на столъ, дьячекъ и сталъ есть.

Дьячекъ мясо ѣстъ и говоритъ:

— Говядина хороша, но на собацину пахнет.

Она ему и говоритъ.

— Ну, оны таки собацливы и были.

—————

Мальчики въ лѣсу выросли. Имъ стало годовъ по деветнадцать. Вотъ оны разъ подошли къ одному городу. На высокоу гору выстали и видятъ: въ городи народу-то много-много, вси ходятъ, ходятъ, а оны и не смѣютъ зайти въ городъ. Коля Вани и говоритъ:

— Ваня, ты поди. Если тебя захвата—я побѣгу въ лѣсъ.

А въ томъ царстви не было короля. И было въ городскихъ воротахъ ланпада подвѣшена, што кому ланпада на голову падетъ, тотъ и будетъ королемъ. Ваня какъ вошелъ въ ворота, ему и пала на голову

ланпада-то. Сейцясъ его захватили, въ колокола затрзвонили,—и весь народъ кричить:

— Короля Богъ даль, короля Богъ даль.

Накрутили и королемъ Ваню и поставили.

А Коля убѣжалъ въ друго царство. За царствомъ была избушка у бабушки. Онъ къ этой бабушки и зашелъ: сталъ у ей жить, шить башмаки и кормиться.

Плюетъ и што ни плюне—золоты слюнки на полъ.

Бабушка собирать и носить царевны продавать. Царевна у ей и спрашивать.

— Да откуль у тебя, бабушка, эты золоты слюнки?

Она и говорить:

— Да вотъ есть у меня одинъ Божій целовѣкъ. Сидить да все плюе золоты слюнки.

А царевна и говорить:

— Приведи-ко его сюда.

Бабушка пришла домой да Колѣ и говорить:

— Дитятко, пойдѣмъ—насъ царевна звала.

Онъ и пошелъ. Пришли къ царевни. Она наливать Коли вина стаканъ и говорить ему:

— Пей.

А онъ и говорить:

— Не буду.

— Пьешь—пропадешь—не пьешь пропадешь. Пей.

Коля взялъ и выпилъ. Она другой стаканъ налила. Онъ другой выпилъ и сталъ онъ блевать. Блевалъ, блевалъ ды золоту маковку и выблевалъ. Царевна взяла ю да водой сполоснула и себѣ проглотула. А Колю на Буянъ-Островъ въ одной жилетки и отвезла:

Онъ спалъ, спалъ на Буянъ-Острови. Какъ проснулся, посмотреть, А вокругъ море. Онъ и пошелъ бродить по острову да ягоды набирать. Одну ягодку съѣлъ,—и сдѣлался во лбу рога, на спины горбъ, а позади хвостъ. Другу ягодку съѣлъ—и сдѣлался, што лучше да краше на свѣти его нѣтъ. Потомъ онъ слышитъ—пищать полъ землей каки-то птички маленьки. Морянка была. Холодно. Онъ взялъ, снелъ со себя жалетку ды ихъ и закуталъ. Вдругъ прилетать птица-мать къ дѣтямъ.

Дѣти ей и говорить:

— Если бы не добрый целовѣкъ нашелся—мы бы замерзли.

Птица и говорить Колѣ:

— Куды тебѣ нать—туды и свезу. Садись ды держись.

Коля и говорить ей, въ какой городъ. Она его и стащила.

Онъ сошилъ себѣ сумоцьку эты ягодки туды положить, и стоитъ у царева дворца и продавать эты ягодки.

Вышла кухарка и спрашивать у его:

— Цимъ торгуешь, добрый молодець?

— А ягодками торгую.

— Сколько стоитъ ягодка?

— Сто рублей.

— Эко дѣло—дорого...

— Я тебѣ и такъ дамъ,—говорить Коля.

Она съѣла ягодку и сдѣлалась, што лучше и краше на свѣти ей нѣтъ. Она пришла къ царевны, та и спрашивать у ей:

— Отце ты этака красива сдѣлалась?

— А тамъ мужикъ торгуе такими ягодками, што какъ съѣшь, т
красива и станешь.

— Поди-ко купи миѣ,—говорить царевна.

Кухарка пришла къ Коли и говоритъ:

— Продайте нашей царевны ягодку.

Онъ и продалъ ягодку, а самъ пошелъ опеть къ той же бабуш
Царевна какъ съѣла ягодку, сдѣлалась съ хвостомъ, со рогами да
горбомъ.

Стали ю лѣцить. Дохтуровъ созвали, колдуновъ созвали—ни
не можетъ ю вылѣцить.

Царь видитъ, што дѣло плохо, онъ и объявлять приказъ тав

— Кто вылѣцить мою доцерь, того царемъ и поставлю.

Коля принарядилсе да пришелъ къ царю.

— Што,—говорить,—у васъ доцька больна? Я вылѣцю.

— Если вылѣцишь—тебя царемъ поставлю—говорить царь.

Коля и говоритъ:

— Выстройте за городской стѣной трежирную байну. Вотъ ба
сейцясъ выстроили. Коля повезъ царевну. Привезъ, самы въ байну п
шли, а прислугу оставили въ первой компати. Вотъ Коля царевну
ряцей водой обливать, прутомъ стегать по рогамъ да по хвосту, п
говаривать:

— Не уцись мужиковъ пьяными поить да на Буянь-Остр
отводить.

Царевна кричить, а кухарка въ стѣну колотитсе:

Ладно,—говорить,—я царю скажу, што ты ю бьешь.

Царевна сблевала, маковку выблевала, Коля ю схватилъ, во
омыль да проглотилъ. Затымъ далъ ей хорошу ягодку, она и сдѣ
лась красавицей.

Пріѣхали домой. Она прислуги и говоритъ:

— Бога ради папы не говори.

Пріѣхалъ царь. Онъ благословилъ царевну съ Колей. Они пов
цались. Коля сталъ царемъ и сдѣлалъ пиръ на весь міръ.

XIV.

Два братана.

Жили-были два братана. Одного звали Иваномъ, а другого
сильемъ. Они ѣздили въ одно мѣсто денегъ воровать. Тамъ былъ
мень. Этого камня звали Камень Адамъ. Они пріѣзжали къ камню
говорили:

— Камень-Адамъ, откройсе.

Онъ открывался и оны заходили туда и брали деньги.

Одинъ разъ Иванъ позвалъ Василья за деньгамъ. Тотъ не за
тѣлъ ѣхать. Ну, Иванъ самъ къ камню и поѣхалъ.

Вотъ пріѣхалъ онъ, взялъ золота цѣлый мѣшокъ и забылъ
звать „Адамъ“, одно и звеgetъ:

— Камешокъ, откройсе.

Вдругъ, стукъ, громъ... Розбойники идутъ. Пришли и говоря:

— А, вороваль, вороваль ды и попалъ.

Взели Ивава, ды разрѣзали на шесть кусковъ.

День нѣту дома Ивана, другой день нѣту—жена и приходитъ
Василью и говоритъ:

— Василь, у меня мужа два дня дома нѣту, ужь не могу голову приложить, што съ имъ тамъ дѣется.

Василій говоритъ:

— Ну, два дня нѣту—дакъ нѣту добра.

Одѣлся и поѣхалъ искать братана. Пріѣхалъ къ камню и видитъ: братанъ лежитъ разрѣзанъ на шесть кусковъ.

Ну, онъ братана мертваго взелъ да еще мѣшокъ золота захватилъ и поѣхалъ, Привезли домой Ивана, а хоронить-то не хорошо такого. Жена и пошла къ одному шведу, который шубы сшивалъ съ кусковъ, и говоритъ ему:

— Не можешь ли у меня мужа спить съ кусковъ.

Портной его сшилъ и похоронили.

Вотъ разъ пріѣзжаютъ разбойники въ эту деревню и стали со шведомъ выпивать. Шведъ имъ и розсказалъ, какъ онъ целовѣка сшилъ. Разбойники у шведа хорошенько про все распросили и уѣхали.

Вотъ потомъ пріѣзжаютъ эти самы разбойники ко вдовы Ивана—двѣнадцать въ кувшиньяхъ въ телѣги на двори, а тринадцатый зашелъ въ избу. Его приняли за гостя, напоили, накормили. Потомъ онъ и говоритъ:

— Куда бы мнѣ отдохнуть?

— А ложись,—говоря,—на вышку.

А самы спать повалились. А кухарка у ихъ была догадлива. Догадалась она, што тутъ не ладно. Она затопила въ своей комнати печьку истопила деревяного масла и пришла на дворъ да обварила этихъ всехъ двѣнадцать молодцевъ, а сама спать и повалилась.

Вдругъ вставать этотъ разбойникъ, и приходитъ на дворъ, и будить этихъ молодцевъ.

— Вставайте,—говоритъ,—ребята, вонъ вси спятъ.

А молодцы-то не вставаютъ. Онъ видитъ, што одинъ остался, пошелъ обратно въ избу и спать повалился.

Проспалъ до утра, а утромъ всталъ чаю напилсе и говоритъ:

Нельзя ли мнѣ будетъ съ вашей прислугой потанцевать?

Хозяйка и говоритъ:

— Отце нельзя?—Если она желать-дакъ...

Она говоритъ:

— Я желаю.

Созвали музыкантовъ и пошли оны танцевать. Она смотритъ на его и видитъ, онъ хочетъ только саблю выдернуть ды ей по шею дат... Она возьметъ изъ подъ фартука какъ дернетъ саблю ды ему и по шею

Все обступили ю и кричатъ:

— Да што ты, ошалѣла? Мужика то убила.

Она и говоритъ.

— Я-то не ошалѣла, не ошалѣли ли вы? Подите-ко посмотрите на двори. Я сегодня ночью двѣнадцать разбойниковъ убила. Это не гости къ вамъ пріѣхали, а разбойники убивать васъ захотѣли.

Хозяйка ю взяла, да поцѣловала, да къ себѣ за дочерь взяла И все...

XV.

К а т е н ь к а.

Жиль-быль царь съ царицей. У ихъ была доць Катенька.

Пріѣзжали разъ къ Катенькѣ гости: три кавалера. Приглашали оны Катеньку въ гости; говоря:

— Вотъ прїѣзжай къ намъ въ гости. Прїѣдешь—гору високу увидишь, а на гори плита больша. Увидишь тамъ домъ большой, и заходи къ намъ въ гости.

На второй день Катенька собралась и поѣхала. Вотъ прїѣхали оны къ горы, она и говоритъ кучеру:

— Постой тутъ у горы: я скоро приду.

Постояль, постояль кучерь, видитъ Катеньки нѣтъ, взель да уѣхаль. А Катенька на гору високу выстала и домъ увидѣла. Эты самы кавалеры вкругъ дома ходя со саблями. Ю страхъ взель—она и не пошла къ имъ въ домъ. Свалилась она подь каменну плиту да лежитъ и говоритъ

— Плита, плита, спаси меня.

Вотъ приходятъ розбойники, бросаютъ подь гору шляпы и говоря:

— Кабы Катенька была, такъ бы на мелки куски ю разрѣзали да въ огонь бы бросили.

Потомъ взяли шляпы да пшли въ другой городъ людей рѣзать. Што Катенькѣ дѣлать? Она и зашла къ имъ въ домъ. А у ихъ въ доми-то жила прислуга, Дѣвкой-Чернышкой ю звали. Она, какъ увидѣла Катеньку, и говоритъ.

— Куды ты пришла? Оны придуть, дакъ тебя убьютъ.

Катенька и говоритъ:

— Куды хошь меня схорони, штобы оны не видѣли.

Дѣвка и говоритъ ей:

— Ну, ложись подь кровать.

А у ихъ завѣса была отъ зени до потолка.

Вотъ послышался стукъ да гремъ. Розбойники идутъ.

Привели розбойники барыню и говоря:

— Ложь на столъ руки.

Потомъ оны взяли, отсѣкли ей пальци да розрубили на куски. Одинъ палець съ кольцемъ упалъ и покотилсе подь кровать. Катенька взяла и спрятала его въ карманъ.

Вотъ розбойникъ розбойнику и говоритъ:

— Поди да возьми подь кроватью кольце-то.

А Катенька лежитъ, а руки и ноги у ей дрожать.

Другой розбойникъ отвѣцять:

— А пускай оно тамъ лежитъ. Завтра возьмемъ.

И пошли оны вси въ отдѣльную комнату вина пить.

А Дѣвка-Чернышка взяла Катеньку и повела на дорогу.

Оны идутъ по сѣнямъ, а розбойники и спрашиваютъ:

— Кто тамъ?

А Дѣвка-Чернышка отвѣцять:

— Самъ отецъ Василій.

Вышла Катенька на дорогу—мужикъ со сѣномъ ѣде.

Она и говоритъ ему:

— Возьми ты, дедюшка, меня. Продай сѣно моему папы.

Мужикъ ю взель, въ сѣно спряталъ, прїѣхаль къ царю и спрашивать:

— Не купите ли сѣна?

А отецъ говоритъ:

— Мы недавно купили—намъ сѣна не нать.

— Купите. Въ сѣнѣ добро есть,—говоритъ мужикъ.

Оны и купили сѣно. Какъ стали сѣно розрывать, а тамъ Катенька. Ну, царь съ царицей обрадовались—бѣда...

Вотъ прїѣзжаютъ къ Катеньки опеть въ гости эти кавалеры и говорятъ Катенькѣ:

— Отце жъ ты къ намъ въ гости не прїѣхала?

— Я была,—отвѣцятъ Катенька,—у васъ завѣса отъ зени до потолка есть?

— Это правда, это правда,—отвѣцятъ розбойники.

— У васъ Дѣвка-Чернышка есть?

— Это правда, это правда,—говорятъ розбойники.

— Вы привели барыню?

— Это врешь, это врешь!

— Вы отсѣкли ей пальцы?

— Это врешь, это врешь!

Катенька и показывать имъ палецъ съ кольцомъ и спрашивать.

— А это што?

Тутъ розбойники и заскакали, ды не знаютъ куды и выскоцитъ. Потомъ ихъ заковали въ боцьку да бросили въ море. И сказки конецъ.

XVI.

Бѣднякъ-мальчикъ.

Жиль-былъ на свѣти мужикъ со женой. Они были страшно бѣдняки. Вотъ у ихъ родился мальчикъ. Его и прозвали Бѣднякъ-мальчикъ. Жена и говоритъ мужу:

— У насъ-то истъ вѣдь у самихъ нецего. Какъ же мы станемъ растить мальчика? Продаемъ его хоть за три копейки.

Разъ пришелъ къ имъ странникъ, посмотрѣлъ на мальчика, да говоритъ:

— Не продавайте никому мальчика: онъ, какъ вырасте,—буде на королевнѣ женатъ. Да не говорите объ этомъ никому.

Ну, извѣстно дѣло женщина: не могла сдержаться, взяла да рассказала потомъ сусѣдамъ-што вотъ такъ и такъ говорилъ странникъ. Люди начали говорить про это само—и такъ и дошли слухи до царя. Царь, какъ услышалъ, што вотъ въ такомъ-то мѣсти родился Бѣднякъ-мальчикъ и какъ вырасте буде женатъ на его доцери, взялъ да пришелъ къ имъ и говоритъ:

— Продайте мнѣ мальчика. Я двѣсти рублей даю.

Думали, думали мужъ и жена да и обзарились на деньги, взяли да Бѣдняка-мальчика и продали. Царь взялъ мальчика, зашелъ въ лавку, купилъ сумку, положилъ мальчика въ сумку да бросилъ его въ воду.

Несло, несло мальчика по воды-то и принесло его въ порогъ.

А тамъ жилъ мельникъ. Онъ взялъ его къ себѣ и сталъ расти. Росъ, росъ Бѣднякъ-мальчикъ, и стало его ужъ 19 лѣтъ.

Мальчикъ онъ былъ послушный: куды ни пошлешь, туды и поиде. Вотъ повадился къ мельнику царь въ гости прїѣзжать. Одинъ разъ такъ разговорились они, царь и спрашивать мельника:

— Откуль у ты мальчикъ, какъ жены нѣтъ?

А мельникъ отвѣцятъ:

— А мальчика этого я изъ рѣки вытащилъ. Поднесло этта сумку къ порогу. Думаю, деньги. Вытащилъ, а тамъ мальчикъ. Ну, и сталъ его расти замѣсто сына.

Король записку написалъ и говоритъ:

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

— Нельзя-ли будетъ вашего мальчика послать со запиской къ моей жены?

— Отце нельзя? Можно!

Король отдалъ мальчику записку—онъ и побѣжалъ.

Было это подъ вѣдоръ. Шель, шель мальчикъ—стало темно. Онъ дорогу и потерялъ. А тутъ видить стоитъ избушка, а въ избушки огонекъ. Зашель онъ въ избушку, а тамъ разбойники живутъ. Оны его накормили да напоили и стали спрашивать:

— Куды идешь, куды попадашь?

Мальчикъ имъ разсказалъ, што его царь послалъ со запиской къ жены. Одинъ разбойникъ и говоритъ:

— А покажи ко записку-то эту!

Мальчикъ взялъ да показалъ. Разбойникъ проциталъ письмо и видить, што не ладно. Въ письмѣ томъ царь писалъ жены, што какъ придетъ Бѣднякъ-мальчикъ, штобы его убили. Взялъ разбойникъ написалъ друго письмо, што какъ придетъ такой-то мальчикъ, штобы его на царьской доцери и женили. А цареву записку разорвалъ. Утрось стало—разбойники разбудили мальчика, накормили да напоили и выпроводили на дорогу.

Пришелъ Бѣднякъ-мальчикъ къ королевны, а тамъ его солдаты не спускають. Онъ отдалъ записку и говоритъ:

— Передайте королевны.

Королевна, какъ процитатъ записку—сейчасъ этого мальчика велѣла въ залъ пустить. Потомъ скорѣ свадьбу справили и дожидаютъ царя. Царь приѣхалъ—его стрѣцять и вышли молодцы. Царь зашелъ въ комнату и готовъ разорвать свою жену, такъ его зло взяло.

— Што ты,—говорить,—дура, надѣлала! Я тебѣ писалъ, штобы, какъ придетъ, его убили. а ты женила.

А царица ему и показывать записку.

Царю все равно рѣшить мальчика нать—вотъ онъ его и посылать къ богатырю—людодѣду, штобы три золотыхъ волосы вырвать изъ его бороды. Бѣднякъ-мальчикъ и пошелъ. Идетъ, идетъ мальчикъ и видить: мужикъ стоитъ у колодца. Мужикъ его и спрашивать:

— Скажи, добрый целовѣкъ, цего у меня въ колодци воды нѣту?

— Обратно пойду—скажу,—отвѣцять мальчикъ.

Идетъ дальше. Видить баба стоитъ у яблоковъ. Она и спрашивать:

— Скажи, добрый целовѣкъ, цего яблоки сохнутъ?

— Обратно пойду—скажу,—отвѣцять мальчикъ.

Дальше пошелъ и видить: мужикъ людей перевозить съ берега на берегъ. Мужикъ и говоритъ ему:

— Скажи, добрый целовѣкъ, изъ за це я здѣсь страдаю?

— Обратно пойду—скажу,—отвѣцять мальчикъ.

Наконецъ онъ и добралсе до богатыря. А богатыря-то дома не было. Была только одна богатыриха.

Она какъ увидѣла Бѣдняка-мальчика и говоритъ:

— Куды ты пришелъ? Богатырь придетъ и съѣстъ тебя.

Мальчикъ закручинился.

— Ну, не бѣда,—говорить богатыриха,—я спрячу тебя.

А онъ просиль ю узнать: отце яблоки сохнутъ, колодець посохъ и мужикъ перевозить. Потомъ богатыриха взяла ды и замнула его въ ящикъ. Вдругъ приходитъ богатырь.

— Фу фу-фу, на Руси не бывалъ, руськаго духу не слыхалъ.

Хто у тя сегодня руській есть?—спрашивать богатырь.

— А самъ налетался да нахватался. Еще разговаривать,—отвѣ-
чать богатыриха.

Онъ и говорить ей:

— Жена, пощи-ко у меня въ головы-то.

Она стала искать, а богатырь и заснулъ. Она взяла да вырвала у
его золотой волосъ изъ бороды. Онъ вскоцилъ и разругалсе. Она го-
ворить ему:

— Не ругайсе, мужъ—кормилецъ, я задремала да мнѣ приснилось,
быдто мужикъ стоитъ у колодца, а въ колоды ци воды совсимъ нѣту.

— Да, это правда,—отвѣцять богатырь.

— А зацимъ сохне,—спрашивать богатыриха.

— Когда убьютъ лягушку—тогда и буде въ колодци вода.

Опеть и заснулъ богатырь. Она и другой волосъ вырвала.

Богатырь скоцилъ и разругалсе. А она опеть и говорить:

— Мнѣ приснилось, быдто баба стоитъ у яблоковъ, а яблоки вси
посохли. Отце это?

— Пускай убьютъ мыша—тогда и зацвѣтуть.

Онъ опеть и заснулъ. Богатыриха въ третій разъ у его волосъ
вырвала. Онъ вскоцилъ и опеть разругалсе. Она и говорить:

— Мнѣ приснилось, быдто мужикъ съ берега на берегъ людей
перевозить, а самъ не можетъ на берегъ выйти.

— А пусть онъ даетъ мужику рубля, да въ руки руля, да самъ и
выйдетъ.

Потомъ богатырь и ушелъ. Богатыриха выпустила мальчика, три
волосы ему отдала ды все и розказала.

Ну, мальчикъ обратно пошелъ да все и сказалъ имъ.

Оны его благодарили и сказали:

— Если это все исполнитсе—тогда мы тя наградимъ.

Вотъ пришелъ мальчикъ къ царю ды отдалъ ему три золотыхъ
волосы и говорить:

— Я больше у васъ служить не буду. Мнѣ ваша доць—не жена
и я ей не мужъ.

Ушелъ мальчикъ къ яблокамъ и къ колодцю. Все исполнилось.
Баба и мужикъ дали ему цѣлый возъ денегъ.

Онъ прѣвхалъ къ царю и говорить ему:

— До свиданье.

Вси вышли его провожать. Жена стала плакать.

Потомъ король велѣлъ позвать его обратно и стали оны жить въ
мирѣ.

XVII

Какъ солдатъ на царьской доцери женился.

Жили-были царь да царица. У ихъ была маленька доцюрка.

Царица по утрамъ стряпала, а дѣвоцька вдругъ ей кружилась да
мѣшала стряпать. Мать разъ и скаже:

— На, те, воденникъ!

Дѣвоцька, какъ пошла къ рѣки—ю воденникъ и захватилъ. Мать,
какъ узнала, стала жалѣть да Богу молитьсе, всимъ странникамъ де-
нѣги давать.

А у царя были солдаты. Одинъ солдатъ на завтра именинникомъ долженъ быть. А у его денегъ не было ни копейки. Онъ и пошелъ въ церковь Богу молиться.

Молетсе онъ Миколы Многомилостливому и говоритъ;

— Госноди, хотъ бы мнѣ гдѣ-нибудь полтинникъ найти. Завтра хотъ въ день андела солдатовъ угостить.

Идетъ онъ изъ церкви, голову повѣсилъ. Стрѣту ему идетъ старицекъ—его отъ вѣтра поносить—и говоритъ:

— Што, служивый, задумалсе?

Солдатъ и отвѣняетъ:

— А вотъ, дѣдушка, завтра именинникъ, а денегъ—ни копейки нѣту. Ищу денегъ.

Дѣдушка и говоритъ ему:

— Да женись у воденника на доцери. Приходи ко мнѣ—я тебѣ дамъ ведро вина да перогъ на закуску.

— Ладно—отвѣняетъ,—подумаю.

Пришелъ солдатъ домой и всю ночь не спить: все думать.

И вздумалъ онъ женитьсе на доцери воденника. Утромъ пришелъ къ дѣдушки—тотъ ему ведро вина да перогъ на закуску далъ. Ну, солдатъ домой пришелъ да всихъ солдатовъ до-пьяна напоилъ да наугостилъ.

Солдаты пью, ѣдя да дивуютсе: откуда онъ столько вина взялъ. На второй день солдатъ и говоритъ царю:

— Дайте мнѣ благословленье. Я поѣду къ воденнику женитьсе на его доцери.

Царь отвѣняетъ:

— Да што ты, не съ ума ли сошелъ? Вѣдь тебѣ живому не бывать.

А царица говоритъ царю:

— Пускай онъ ѣде женитьсе. Тебѣ еще солдатовъ хватить.

Солдатъ справилсе ды и поѣхалъ со дѣдушкомъ къ воденнику. Приѣхали оны къ порогу—порогъ пребольшой-большиньскій. Дѣдушка и говоритъ солдату:

— Падай въ воду.

Солдатъ и палъ. А дѣдушка слѣдъ его. И оны опеть пошли по дороги съ дѣдушкомъ. Вотъ пришли оны къ воденнику въ избу да говорятъ ему:

— Вотъ, не отдаите ли доцерь замужъ?

— Милости просимъ,—отвѣняетъ тотъ.

Наредилъ воденникъ всихъ доцерей своихъ и посадилъ на стулья. Оны и сидя. Одна сидитъ блѣдна ужъ блѣднешенька. Дѣдушка солдату и говоритъ:

— Скажи, што эта моя богосуженная, што всихъ хуже сидить.

Солдатъ и сказалъ. Воденнику, хотя жалко ю было отдавать—да ужъ нать было. Сталъ воденникъ приданно справлеть. Далъ тройку лошадей, корету, драгоцѣнныхъ каменьевъ. Дѣдушка съ солдатомъ забрали вещей и невѣсту да и поѣхали. Вотъ проѣхали оны этотъ порогъ, дѣдушка взялъ да дѣвицю и разрѣзалъ на три куска.

Солдатъ и смотритъ да думать: вотъ бѣда!

Взялъ дѣдушка да окупалъ мертвой водой на мертво тѣло, потомъ окупалъ живой и дѣвушка слѣдалась жива да така красавица, какъ раньше у матери была.

ы по удицы, вси смотря въ окна да дивутсе.

съ каку-то богацеху везе.

съ дѣвицей прѣхали къ царю во дворець да повѣнцались, оны пировать. Царица подноситъ цяшки, да какъ посмотрить ъки, скрицяла:

Охти, мѣѣ! Совсимъ быдто моя доць. Гдѣ ты взялъ ю,—спра-
царица.

солдаты и отвѣцять:

— У воденника.

Ну, царь съ царицей узнали тутъ свою доць, взяли да поцѣло-
ю да солдата и поставили царемъ на царство, государемъ на го-
рство.

И сказка вся.

Г. Цейтлинъ.

